

*Ты не знаешь, против кого сражаешься,
но должен выжить...*

ИСЧЕЗНУВШИЕ

САЙМОН БЕКЕТТ

Neoclassic: Триллер

Саймон Бекетт

Исчезнувшие

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Бекетт С.

Исчезнувшие / С. Бекетт — «Издательство АСТ»,
2021 — (Neoclassic: Триллер)

ISBN 978-5-17-146334-2

Десять лет назад детективу Ионе Колли едва удалось пережить бесследное исчезновение четырехлетнего сына Тео. Теперь он, случайно обнаружив четыре искалеченных трупа, атакованный неизвестным преступником и чудом выживший, с изумлением обнаруживает, что стал главным подозреваемым по делу об этих жестоких убийствах. И, что еще ужаснее, теперь его подозревают в том, что он убил собственного ребенка! Иона догадывается: по неизвестным причинам его расчетливо и жестоко подставляют. Доказать свою невиновность он может, только лично схватив настоящего убийцу и одновременно выяснив, что же произошло с Тео...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-146334-2

© Бекетт С., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Саймон Бекетт

Исчезнувшие

Посвящается Хилари

Simon Beckett
THE LOST

© Hunter Publications Limited, 2021

© Перевод. Е. Токарев, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

Почти достигнув цели, Иона понял, что попал в переплет.

На пристани царила кромешная тьма. Не горел ни один фонарь, в темноте виднелись силуэты обветшалых пакгаузов, заброшенных обломков былых, совсем других времен. В свете фар старенького «Сааба» окружающий пейзаж напоминал индустриальный город-призрак. Глядя сквозь ветровое стекло, Иона думал, что он практически всю жизнь прожил в Лондоне, но по-прежнему находятся уголки, о существовании которых он не знал. Да и знать не желал, если речь шла о таком месте.

Найти пристань оказалось нелегко. Она располагалась на заброшенном участке берега Темзы в пустынном месте, которое даже не обозначалось на карте в навигаторе. Ионе дали весьма расплывчатые указания, и несколько раз приходилось возвращаться, когда разбитая дорога приводила его в тупик. Теперь он остановил машину на густо заросшей сорняками пустоши. Перед глазами тянулась длинная кирпичная стена. На другом берегу реки, словно ожерелье, виднелись сверкающие огни новостроек, баров и ресторанов. Однако здесь царила непроглядная темнота. Бурное строительство, шедшее на остальных участках бывших доков, почему-то обошло стороной заброшенный тупик. Что вовсе не удивляло, если учесть название этого места. Иона сначала подумал, что это шутка, но нет. Подтверждение глядело на него с уличной таблички.

«Скотобойная набережная».

Два часа назад он сидел на открытой веранде паба в компании сослуживцев и после очередных стрельб наслаждался погожим августовским вечером. Телефон зазвонил, когда Иона ждал в очереди у бара. Номер он не узнал и почти решил его проигнорировать. Но впереди еще стояли люди, так что спустя несколько секунд он ответил.

– Иона? Это я. – И на случай, если он забыл: – Гевин.

Он почти десять лет не слышал этого голоса, но прошедшие годы, похоже, мгновенно улетучились. Как и его спокойствие.

– Ты слушаешь?

Иона, забыв о выпивке, отошел в угол потише.

– Что тебе надо?

– Нужна твоя помощь.

Ни тебе «Как дела?», ни «Давно не виделись». Иона почувствовал, как у него сжимаются челюсти.

– С чего тебе понадобилась моя помощь?

– Потому что ты единственный, кому я могу доверять.

От удивления Иона на мгновение лишился дара речи.

– Тебе придется рассказать подробнее.

Наступила пауза.

– Я облажался. И все запорол. Все...

– Ты о чем?

– Объясню, когда ты приедешь.

– Господи, неужели ты хочешь, чтобы я...

– На южном берегу есть место под названием «Скотобойная набережная». Там стоит старый пакгауз, – торопливо заговорил Гевин. – В навигаторе его нет, но я напишу, как добраться. Это последняя постройка на пирсе. В полночь встречу тебя у входа.

– В полночь? Ты серьезно?

– Все поймешь, когда доберешься. – И тут Гевин произнес слова, которых Иона не слышал за все годы их давней дружбы: – Прошу тебя.

Конец связи. *Блин.*

– Все нормально?

Голос принадлежал Хану, сослуживцу Ионы, сержанту из управления спецопераций лондонской полиции. Плечи и шея этого великана представляли собой сплошной корсет мышц, а руки и грудь, казалось, вот-вот разорвут белую футболку. Иона однажды видел, как Хан выбил дверь и вместе с ней отбросил в другой конец комнаты вооруженного ножом преступника. Но в свободное от службы время Хан являлся примерным семьянином, к которому любой из управления мог обратиться со своими проблемами.

Иона кивнул, убирая телефон в карман.

– Просто позвонил человек, с которым я долго не общался.

– Сложности есть?

Иона не знал, что ответить.

– Наверняка пустяки какие-нибудь. Но голос у него был...

Он запнулся, когда его толкнули в спину.

– Я-то думала, что ты к бару стоишь, нет? Вот блин, сама бы быстрее сварила пиво, чем ты его принес.

Иона оглянулся на хмуро смотрящую на него худенькую невысокую женщину. Нолан часто так разговаривала. Она была на полголовы ниже его и едва доставала Хану до плеча, но в критической обстановке дала бы им обоим фору. И еще большую, когда доходила очередь ставить круг.

– Мы разговариваем, – пояснил Хан, смерив ее начальственным взглядом.

– Ладно. – Нолан задумалась. – Давай деньги, я сама все принесу.

Иона не сдержал смеха.

– Все нормально, я схожу.

– Уверен? – спросил Хан.

– Да, все хорошо, – пожал плечами Иона. – Наверное, и вправду пустяки.

Он пытался себя в этом убедить, шагая к стойке бара. В какую бы переделку Гевин ни попал, он мог сам из нее выпутаться. Иона ничего ему не должен. Вообще ничего.

И все-таки телефонный звонок лишил его покоя. Даже после того, как он отнес пиво за столик, в голове назойливо вертелась сказанная Гевинем фраза: *«Ты единственный, кому я могу доверять»*.

Когда-то это соответствовало истине. Тогда Иона мог сказать то же самое. Он знал Гевина сто лет. Лучшие друзья в школе, они вместе поступили в полицию, прошли подготовку и получили назначения в один округ. Гевин всегда относился к окружающим более открыто и благожелательно, но за его широкой улыбкой скрывалась напористая и жесткая натура. Они вместе жили в съемной квартире даже после того, как Гевин сдал экзамен на детектива и отправился в тогдашнее Управление по борьбе с организованной преступностью, занимавшееся эксплуатацией рабского труда и криминальными группировками. Некоторое время Иона тоже подумывал о переводе в уголовную полицию. Начальство утверждало, что у него есть способности к сыскной работе, и всячески подталкивало подать заявление на курсы переподготовки. Но почему-то – может, из-за того, что ему не нравилось, когда на него давят, – Иона избрал другой путь. К своему удивлению, он прошел строгий отбор и очень трудную подготовку, необходимые для принятия в управление спецопераций, элитное подразделение лондонской полиции. Гевин постоянно подшучивал над его решением, называя Иону охотником за острыми ощущениями. Однако они остались друзьями. Когда Иона стал встречаться с Кресси, а Гевин закрутил роман с Мари, они составили дружный квартет. Вместе веселились по вечерам, вместе проводили отпуска. Хорошее было время.

Но оно закончилось много лет назад, вместе с прошлой жизнью. Так почему же Гевин выплыл на свет божий и попросил Иону о помощи? Гевин всегда отличался уверенностью в

себе, а друзья ходили за ним толпой. Ему пришлось дойти до последней степени отчаяния, чтобы позвонить Ионе, и он в конце концов на это решился. И как бы Ионе ни хотелось это отбросить, ему не давало покоя одно обстоятельство.

В голосе Гевина звучал *страх*.

Поэтому Иона извинился, вышел из паба и зашагал к машине.

И вот он оказался на заброшенном пирсе посреди крошечной темноты.

Иона выключил двигатель, достал из бардачка фонарь и вышел из машины. Рядом стояла «Ауди», наверняка принадлежащая Гевину, других признаков жизни не наблюдалось. Заросшая травой тропинка вела к темным силуэтам сгрудившихся вдали пакгаузов и промышленных зданий, за которыми виднелась серебрившаяся в свете лунного полумесяца река. Включив фонарь, Иона зашагал в их сторону.

Тропинка привела его к узкой дороге, шедшей между зданий с заколоченными окнами. На одном из них удалось разглядеть старую вывеску с полустертymi буквами: «Сыромятня Джолли: выделанные шкуры и кожи». Другие представляли собой заведения по оптовой торговле и переработке мяса, а огромное, похожее на ангар строение оказалось мясохладобойней. Название «Скотобойная набережная» вполне оправдывалось.

Находиться здесь ночью не очень-то приятно. Обычно Иона не боялся темноты, но тут он обнаружил, что прислушивается к звуку чужих шагов. Он обрадовался, когда в конце узкой дороги вышел на пирс. Плеск там слышался громче. Сквозь широкие трещины в асфальте проглядывала разбитая брусчатка, а в сыром воздухе стоял запах соли, гниющих водорослей и нефти. На черной как смоль поверхности воды вразнобой покачивались вплотную поставленные на якорь баржи. Тишину нарушали глухие удары и потрескивание, когда они терлись друг о друга бортами. Чуть поодаль пришвартовалось судно побольше, и, когда Иона проходил мимо него, рядом вдруг раздалось шипение. Чуть опешив, он резко повел фонарем и выдохнул, когда в луче света мелькнули блестящие глаза. В тени крышки грузового люка припал к полу, вцепившись лапами в недоеденный гамбургер, грязный ободраный кот. Один глаз его запыл то ли от раны, то ли от инфекции. Другой враждебно сверкнул, когда животное угрожающе завывало.

– Ладно-ладно, не отнимаю, – отворачиваясь, пробормотал Иона.

Одновременно с этим в луче фонаря мелькнуло выведенное изящными буквами название судна: «Теодор». Его частично скрывала висящая на борту резиновая покрывка, играющая роль бампера. Когда Иона задержал название в свете фонаря, кот снова зашипел, напоминая, что не стоит злоупотреблять гостеприимством местного обитателя.

– Ухожу, ухожу.

Иона пошел дальше, под ногами хлюпала грязь. Чуть поодаль он разглядел край пирса, где стоял одинокий пакгауз, по обеим сторонам которого плескалась вода. Его наполовину скрывали каркасы с фермами, на которых болтались рваные полосы полупрозрачного полиэтилена. Путь Ионе преградила обвисшая ограда из проволочной сетки.

Вокруг никого не было.

Иона выругался и посмотрел на часы. Почти десять минут первого. Он опоздал, но не очень. Иона подумал: может, Гевин перестал его ждать и ушел? Но тут вспомнил о припаркованной на пирсе «Ауди». Иона лишь предположил, что машина принадлежит Гевину, однако трудно представить, что ночью там мог находиться кто-то еще.

Так где же он?

Иона повел фонариком из стороны в сторону, но на пирсе по-прежнему царили темнота и тишина. Тянулись минуты, у Ионы начало сосать под ложечкой. В двадцать минут первого он набрал номер, с которого звонил Гевин. Отвечай, Гевин, думал он, когда пошли гудки. Прислушавшись, Иона обнаружил, что где-то звонит телефон, но гораздо тише. За спиной.

Внутри пакгауза.

Иона обернулся и посмотрел за ограду. Когда вызов переключился на голосовую почту, из темного здания раздался последний звонок, затем наступила тишина. Иона снова набрал номер, под ложечкой засосало еще сильнее. Опять раздались звонки, и на этот раз стало совершенно ясно, что доносятся они из пакгауза.

Вот блин...

Сбросив вызов, Иона сквозь сетку ограды пристально взгляделся в темное здание. Под фермами каркасов пакгауз выглядел размытой каменной громадой, состоящей из острых углов и темных проемов. Иона подумал, не вызвать ли полицию, но если Гевин ранен, то наряд может прибыть слишком поздно. И по-прежнему существовала вероятность, что это ложная тревога. Хотя не похоже. Иона понял, что выбора у него нет.

Придется войти в здание.

– Господи, Гевин... – пробормотал он.

Посередине ограды стояли широкие металлические ворота, на которых висел крепкий на вид висячий замок, но чуть подальше Иона заметил дыру, достаточно широкую, чтобы мог пролезть человек. Пройдя по растрескавшемуся асфальту к пакгаузу, Иона откинул листы полиэтилена и увидел огромные, похожие на ангарные двери. Они оказались заперты, но рядом нашлась дверь поменьше. Когда Иона ее толкнул, створка открылась внутрь, скрипнув ржавыми петлями.

Иона осветил фонарем. Его луч терялся в огромном, кончающемся далеко впереди пространстве. Там рядами стояли уходившие под высокий потолок балочные фермы.

– Гевин, ты там?

Прежде чем смолкнуть, его голос отдался звонким эхом. Воздух в пакгаузе оказался холодным и сырым. Войдя внутрь, Иона погрузился в гробовую тишину. Достав телефон, он набрал номер Гевина. Раздавшиеся в темноте ответные звонки показались пугающе громкими. Они доносились из глубины пакгауза. Двигаясь на звук, Иона заметил у одной фермы неясное свечение. Телефон лежал на полу, на дисплее высвечивалось имя «Иона». Он сбросил вызов, и экран погас.

Господи, Гевин, во что ты вляпался? И меня втянул?

Иона осветил фонариком по сторонам. Сбоку обнаружили кое-как сложенные грубо обструганные доски, мешки с известью и цементом плюс рулоны полупрозрачного полиэтилена. Гевина поблизости не оказалось. И тут луч фонаря скользнул по валяющемуся на полу предмету. Иона разглядел удостоверение сотрудника полиции, лежавшее лицевой стороной вверх. Виднелась небольшая фотография рядом с именем и должностью владельца.

Гевин Маккинни, сержант уголовной полиции.

На удостоверении темнело смазанное пятно, и Иона почувствовал, как внутри у него екнуло, когда он понял, что это за пятно. Он тут же заметил на каменных плитах темные брызги. Они маслянисто поблескивали в луче фонарика, но Иона знал, что это не нефть и не масло. Он уловил слабый запах, который ни с чем не спутаешь.

Металлический запах крови.

Черные пятнышки складывались в дорожку, исчезающую в темноте. С бьющимся сердцем Иона пошел по ней. След обрывался у пары двойных дверей, вделанных в голую кирпичную стену. На одной из них тускло темнела надпись «Погрузочная площадка». Она была чуть приоткрыта, на петле болтался большой незапертый висячий замок. Иона в нерешительности остановился. Разумнее всего вернуться, вызвать наряд и скорую. А потом пусть полиция и врачи с санитарями выясняют, что находится по ту сторону двери.

Но к тому времени Гевин может умереть.

Иона легонько толкнул дверь. Она со скрипом открылась, и Иона быстро шагнул в проем и напрягся, ожидая удара. Посветил фонарем по сторонам. Никого. Поводив лучом, Иона

понял, что оказался в вытянутом длинном помещении. С ржавой лебедки, закрепленной на потолочной балке, свисали толстые цепи. За ними виднелась огромная откатная дверь, сделанная из старых толстых досок и черных металлических скоб. Иона предположил, что она ведет на пирс, где швартовались прибывавшие на погрузку или разгрузку суда.

– Гевин?

Неподалеку с мелодичным плеском капала вода. Ответа Иона не услышал. Кровью тут воняло сильнее, в воздухе чувствовался еще и другой запах. Сладковатый, животный. Иона направил фонарик на пол, чтобы проследить, куда ведет след из пятен. Свет пробежал по каркасным фермам и рулонам полиэтилена, прежде чем остановился на чем-то вытянутом.

Человеческие ноги.

Иона рванулся вперед, но тут же резко остановился. Луч фонаря высветил тело мужчины, лежавшее лицом вниз на большом листе полиэтилена. Руки его были связаны за спиной пластиковым шнуром, другой шнур крепко стягивал ноги у лодыжек. Лица Иона не видел, но даже через десять лет он безошибочно узнал худошавую фигуру и темные курчавые волосы, теперь слипшиеся от крови. В свете фонаря чернела уже начинавшая подсыхать, похожая на темный ореол лужица, растекшаяся по полиэтилену и каменным плитам.

– Гевин?.. – с трудом выдавил из себя Иона.

Тишина. Неподвижное тело Гевина красноречиво говорило за себя. В темных волосах виднелись осколки костей и кусочки разорванной кожи, но Иона заметил, что кровь больше не течет. Она начала застывать на полиэтилене и каменных плитах. Но даже в этом случае стоило убедиться наверняка. Стараясь не запачкаться, Иона наклонился и приложил пальцы к шее Гевина под нижней челюстью. Кожа показалась холодной и дряблой, с двухдневной щетиной, но пульс не прощупывался.

Похолодев, Иона выпрямился и отступил на шаг. Неожиданный звук заставил его резко обернуться. Рядом никого не оказалось, и через секунду снова послышалась капель. Иона выдохнул. Больше не осталось вопросов, что делать. Произошло убийство. Нужно выбраться отсюда и вызвать полицию, ничего не трогая и по возможности больше не замазывая следы.

Стараясь абстрагироваться от лежащего на полу тела, Иона достал телефон. Сети не было. Аппарат Гевина звонил в большом пакгаузе, значит, толстая внутренняя стена погрузочной площадки блокирует сигнал. Иона направился к выходу, когда его остановил неясный шум. Слишком тихий, чтобы определить, какой именно, но на этот раз его производила явно не капающая вода. Иона прислушался. Сначала ничего, кроме стучавшего в ушах пульса, но потом звук раздался снова. На этот раз громче.

Шуршание пластика.

По спине Ионы побежали мурашки, когда он повернулся к лежащему в нескольких метрах от него небрежно свернутому рулону полиэтилена. Теперь он заметил, что там не один рулон, а три, причем разных размеров. Это мог оказаться строительный мусор, но Иона посветил фонарем, и рулоны напомнили ему нечто другое.

Коконы.

Словно загипнотизированный, Иона шагнул ближе. Перехваченные черным тканевым скотчем рулоны оказались длиной примерно от полутора метров до метра восьмидесяти. Сверху они были присыпаны каким-то белым порошком, отчего было невозможно разглядеть, что же внутри, но теперь Иона понял, откуда исходит подмеченный им раньше сладковатый запах.

Здесь лежало не только тело Гевина.

Бегом отсюда! Живо!

Иона попятился, но вновь услышал те же звуки. Шелестящий, еле слышный шепот. На самом верху Иона заметил отошедший край полиэтилена. Протянув руку, он отогнул пластик. Внизу, под слоями полиэтилена, смутно виднелось лицо.

Иона смотрел, как рот немного приоткрылся и пластик чуть всосало внутрь.

Иона зашатался и попятился. Его охватило непреодолимое желание бежать, потом над ним возобладал рассудок. По крайней мере, один из находящихся там не умер.

Но жить ему оставалось недолго.

– Все нормально, я тебя вытащу, – проговорил Иона, ощупывая полиэтилен. Его во множество слоев намотали один поверх другого и перехватили длинными полосами скотча. Иона с силой дернул, пытаясь найти край, за который можно зацепиться, но слои перехлестывались слишком туго. Из-за полупрозрачной фактуры пластика казалось, что смутно белевшее лицо словно под водой. Оно чуть втягивало полиэтилен, а потом снова отпускало его, но с каждым разом все слабее. Вытащив ключи от машины, Иона попытался острыми гранями надорвать пластик. Полиэтилен пружинил, потом поддался с негромким хлопком. Иона просунул в дыру пальцы и рванул в стороны. Наконец с легким шипением полиэтилен разошелся, словно растянулась молния.

Теперь показалась нижняя часть лица. Рот остался приоткрытым, но Иона не заметил ни малейшего движения. Давай, дыши, взмолился он, пытаясь еще сильнее разорвать пластик.

Внезапно раздался кашель, рот распахнулся шире и с хрипом всосал воздух. Пластик разошелся, обнажая голову с густыми кучерявыми черными волосами. Молодая женщина. Почти девчонка, подумал Иона, хотя наверняка сказать не мог. На лице темнели пятна запекшейся крови. Присыпанная тем же белым порошком, что и полиэтилен, кожа местами оказалась синевато-багровой и покрытой волдырями. На лице застыла гримаса боли и страха, но она не могла скрыть потрясающей красоты, делавшей общий вид еще более гротескным. Жалея, что у него нет с собой воды, Иона продолжал разрывать полиэтилен, не обращая внимания на жуткий запах, исходящий от грязного пластика. Он заговорил, пока девушка откашливалась и пыталась отдышаться:

– Ты теперь в безопасности. Я офицер полиции. Скоро тебя вытащу, хорошо?

Она тихонько застонала в ответ, потом что-то сказала на незнакомом Ионе языке. Вроде бы по-арабски.

– Извини, не понимаю. Постарайся лежать тихо, чтобы я смог тебя вытащить.

– ...*больно*...

– Знаю, попытаюсь как можно быстрее, – отозвался он. *Не давай ей молчать*. – Как тебя зовут?

Девушка пробормотала что-то нечленораздельное. Господи, она могла вот-вот отключиться.

– На... Надин.

– Привет, Надин. А я Иона.

Он говорил со спокойствием, которого совсем не чувствовал. Теперь помимо спешки он начал ощущать и кое-что другое. Начало жечь руки, он заметил, что измазался в белом порошке с полиэтилена. Кожа покраснела и сделалась бугристой. Иона вспомнил сложенные в пакгаузе стройматериалы и понял, что это за порошок.

Негашеная известь.

Господи. Иона попытался справиться с мыслями. Концентрированная щелочь может проесть кожу и мышцы до самых костей, а эта женщина буквально обсыпана известью. Она наверняка страшно мучается, и тут Иона понял, что не сможет оказать ей помощь, в которой она нуждается. Он посмотрел на индикатор уровня сигнала в телефоне. Сети все так же не оказалось. Как бы ему того ни хотелось, он знал, что делать.

– Надин, мне придется выйти на улицу, чтобы вызвать полицию и скорую, – сказал Иона, хотя и не знал, понимает ли она его. – Вернусь как можно быстрее, хорошо? Оставлю тебе фонарь.

Он положил фонарик на пол, ведь нельзя оставлять девушку одну в темноте. Она снова застонала, на этот раз более возбужденно. Иона подумал, не бредит ли она, но покрасневшие глаза смотрели вполне осмысленно. И с ужасом. Нет, не на него они глядят, понял Иона.

А на то, что у него за спиной.

Он услышал тихий шорох и тотчас резко развернулся, вскинув сомкнутые руки. Слишком поздно. Мощный удар разбил блок и обрушился на голову. Ослепительной вспышкой сверкнула боль, сменившаяся невесомым ощущением, как при падении.

А потом наступила темнота.

Глава 2

Где-то в темноте, словно несмазанные детские качели, поскрипывали ржавые цепи. Скрипели они вразнобой, и рваный скрежещущий ритм отдавался в голове Ионы. Он попытался вновь погрузиться в темноту, подальше от жутких звуков и осознания того, что они с собой несли. Но такой путь вел в пустой тоннель, усыпанный засохшими листьями. *Нет, нет, нет.* Теперь он почувствовал рядом присутствие кого-то смутно знакомого. Гевин. Во мраке раздался его шепот:

Когда что-то потеряешь, то больше никогда не найдешь.

Скрип цепей молотом бухал в голове. Вокруг Ионы все кружилось, его тошнило, словно после бешеной карусели. Господи, что же так голова болит? Что-то липкое плотно залепило глаза, и Ионе не сразу удалось их открыть. Кое-как разлепив веки, он по-прежнему ничего не увидел. Вокруг царил чернота. Скрип смолк, но, когда Иона шевельнулся, под ним захрустела твердая поверхность, на которой он лежал. Он попытался сесть. И не смог. Помешали туго стянутые за спиной руки и крепко связанные ноги.

Запаниковав, Иона начал освобождаться от пут. От этого в голове забухало еще сильнее, заставив бессильно растянуться на спине, когда накатила волна тошноты. Мелькнула мысль: а не ослеп ли он? Постепенно начали появляться и другие ощущения. Жажда. Холод. Руки буквально горели, Иона дрожал, все тело ломало. Во влажном воздухе висела страшная вонь, и тут к нему начала возвращаться память. Пакгауз. Молодая, почти задохнувшаяся женщина, обсыпанная негашеной известью и завернутая в полиэтилен, лежащая рядом с двумя телами. И Гевин.

Гевин.

Тут Иона все понял. Его вырубил мощным ударом, и кровь из раны залепила глаза. Теперь он, связанный по рукам и ногам, лежал – господи боже – на листе полиэтилена.

Он начал замедлять дыхание, сосредоточившись на движениях диафрагмы и делая долгие и глубокие вдохи. Постепенно паника улеглась. Открыв глаза, он убедился, что окружавшая тьма не кромешная, как показалось вначале. В ней ощущалось некое пространство, возможно даже различались смутные очертания. Повернув голову – очень осторожно, словно каждое движение грозило взорвать ее изнутри, – Иона разглядел бледную вертикальную полоску света. Это оказалась щель в не до конца закрытом дверном проеме. Возможно, оттуда он сюда и пришел. И тут он понял, что свет становится ярче, а вместе с ним возникло и что-то еще.

Шаги.

Иона успел закрыть глаза, прежде чем распахнулась дверь и в него уперся луч фонарика. Он лежал смирно, едва решаясь дышать, когда к нему приблизились шаги. Потом остановились рядом. Сквозь закрытые веки луч фонарика растекался кроваво-красным сиянием, когда Ионе плеснули светом прямо в лицо.

Затем фонарь погас, оставив после себя пляшущие яркие точки, похожие на крохотные солнца. Шаги прошли мимо, потом снова стихли. Раздались звуки: натужное кряхтение и шелест толстого пластика. Чуть приоткрыв глаза, Иона увидел луч фонарика, направленный на что-то, лежащее на полу. В его отсветах показалась похожая на тень грузная фигура. Она стояла, низко над чем-то нагнувшись, и, только когда снова послышалось шуршание пластика, Иона понял, что происходит.

Незнакомец заворачивал в полиэтилен тело Гевина.

Иону охватила бессильная ярость. Он рванулся, стараясь разорвать путы, стягивавшие его руки и ноги, и сразу замер, когда хрустнул полиэтилен, на котором он лежал. Хрустнул тихонько, но незнакомец услышал. Иона закрыл глаза, когда луч фонарика метнулся в его сто-

рону. Он лежал неподвижно, словно в кошмаре играл в «замри-отомри». *Только не приближайся. Только не подходи.*

Тут свет отвернул от лица Ионы.

Его затрясло, когда снова послышался шелест пластика, в который заворачивали тело Гевина. Иона старался не шевелиться, чтобы предательское шуршание полиэтилена не выдало его снова. Осторожно, чтобы не издать ни звука, Иона попробовал путы на прочность. Он не знал, чем поверх джинсов и носков стянуты его ноги, но в запястьях впивалось нечто гладкое и тонкое. Пластиковый шнур, такой же, каким связали Гевина. Иона попытался подавить нахлынувшее на него отчаяние. Тонкие жгуты на вид казались хлипкими, но разорвать их было практически невозможно. И нельзя было ослабить, как только их туго затянут.

Оттуда, где орудовала с трудом различимая фигура, раздался шум. Сквозь приоткрытые веки Иона разглядел, как незнакомец отрезал от рулона кусок полиэтилена и расстелил его на полу. Подсвеченная лучом фонарика могучая спина застила поле зрения. Единственное, что рассмотрел Иона, – это как незнакомец чуть приподнял лежавшее на полу тело. Затем послышался звук разматываемого скотча, сопровождаемый натужным кряхтением.

Затем фигура выпрямилась. В пляшущем свете фонарика можно было с трудом разглядеть, как незнакомец потащил по каменным плитам завернутое в пластик тело Гевина в сторону откатной двери в дальней стене. Опустив труп на пол, незнакомец положил рядом с ним фонарик, а сам скрылся в темноте. Послышалось звяканье цепей, затем раздался громкий металлический скрежет отодвигаемой по пазу тяжелой двери. Со своего места Иона разглядел в открывшемся проеме бледный кусочек ночного неба и услышал негромкий плеск воды. Затем незнакомец медленно вытащил тело Гевина на улицу. Раздался тяжелый глухой стук, словно труп сбросили в шлюпку, потом фигура вернулась. Заскрипели и зазвякали цепи, со скрежетом закрылась откатная дверь. Незнакомец нагнулся за фонариком, и Иона крепко закрыл глаза, когда луч метнулся в его сторону.

Шаги приблизились к лежавшему на полу Ионе.

Над головой послышалось тяжелое дыхание. Яркий свет проникал даже через сомкнутые веки. В плечо Ионы уперлось нечто тяжелое. Он дал толкнуть себя ногой, а потом бессильно плюхнулся на спину. *Не шевелись, не дыши, не думай.*

Свет погас, незнакомец затопал прочь.

Господи... Иона чуть приоткрыл глаза и успел заметить, как луч фонаря заплясал на двери. В его отсвете высокая фигура исчезла в дверном проеме.

Все снова погрузилось в темноту.

Иона не знал, что стало с его фонарем, но это не имело значения. Лишь теперь, дыша с огромной опаской, он принялся растягивать связывавший запястья шнур. Он старался не обращать внимания на буханье в голове, зная, что если не развяжется сейчас, то второго шанса не получит. Шнур не поддавался, и от досады и отчаяния Иона резко дернул руками в стороны.

Он почувствовал, как путы поддались.

Иона замер, не доверяя своим ощущениям. Он снова растянул жгут, но ничего не произошло. Но когда он попробовал повертеть руками, совмещая кручение с натяжением...

Тонкий шнур поддался еще на несколько миллиметров.

Иона повторил движение и был вознагражден: жгут ослаб еще больше. Он оказался поврежденным или бракованным. Из всех сил завертев руками, Иона почувствовал, как петли слабеют все больше и больше.

Последний извив – и руки его свободны.

В голове грохотало, когда он с трудом сел прямо и потянулся к стягивающему ноги шнуру. Нахлынула страшная досада, когда тот не ослаб, как удавка на руках. Однако связавший явно торопился. Он поспешил, затянув узлы на джинсах вместо голых лодыжек. Иона вытащил ткань, но тонкий пластик по-прежнему обхватывал ноги слишком туго. Сняв крос-

совки и носки, Иона повторил попытку. Стяжка соскользнула, но застряла на лодыжках. *Нет, сволочь!* В отчаянии, прислушиваясь, не возвращаются ли шаги, Иона резко рванул жгут вниз. Тот впился в кожу, как нож картофелечистки, однако выступившая кровь сыграла роль смазки. Последним рывком, сорвав с лодыжек и ступней куски кожи, Иона высвободил ноги.

Он встал и едва не рухнул снова – так сильно закружилась голова. Он согнулся пополам и опустил голову, боль в которой стучала в такт сердцу. Когда Иона убедился, что его не вырвет и что он не отключится, он медленно выпрямился. Вокруг царил кромешная темнота. Иона попытался определить, где лежит молодая женщина по имени Надин и два других тела, но ничего не смог разглядеть. Подать голос он не рискнул. Ионе стало не по себе при мысли, что ему придется сделать, однако он знал, что иного выбора нет. Чтобы хоть кто-то пережил этот кошмар, ему нужно выбраться наружу и вызвать подмогу.

Осторожно пощупав в темноте голой ногой, Иона нашел кроссовки и торопливо обулся. Он весьма смутно себе представлял, где находится дверь, через которую он сюда проник, но стоит дойти до стены, и он обязательно ее найдет. Вытянув руки, он маленькими шажками двинулся вперед и почти сразу же что-то пнул.

Иона замер, когда это что-то с легким шумом скользнуло по полу. Звук раздался недостаточно громко, чтобы его расслышал кто-то снаружи, и Иону охватило радостное возбуждение. *Пожалуйста, пусть это то, о чем я подумал.* Опустившись на колени, Иона принялся ощупью искать предмет.

В темноте вспыхнуло синее сияние.

Иона чуть не расплакался. Это оказался его телефон, наверное упавший, когда на него напали. Сети по-прежнему не оказалось, а использовать его как фонарик Иона не рискнул – слишком заметно. Однако светящийся экран сам по себе казался маяком после столь долгого времени, проведенного в темноте. Иона поднял аппарат, и из мрака проступили смутные очертания пакгауза. Эйфория мгновенно улетучилась, когда он увидел на каменных плитах лужицы крови Гевина. Ровные линии показывали, где она затекла за края листа полиэтилена. Чуть поодаль в темноте смутно виднелись призрачно-белесые, похожие на коконы силуэты других жертв. Теперь, со светом, Иона решил проверить, как там девушка, и в этот момент снаружи слышались шаги.

К пакгаузу кто-то шел.

Блин, *блин!* Иона огляделся в поисках чего-то, что могло бы послужить оружием, но ничего не увидел. Метнувшись к двери, он прижался к ближайшей стене. В этот момент погас экран телефон и пакгауз снова погрузился в темноту. Шаги приближались. Иона глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. *У тебя все получится. Здесь всё как на операции.* Вот только совсем не всё. Его никто не страховал, и некого было позвать на помощь. Иона остался один. *Не думай об этом. Действуй жестко и быстро, об остальном забудь.* Он снова глубоко вдохнул и изготовился. Шаги приблизились к двери.

И остановились.

В ушах Ионы оглушительно колотилось сердце. Казалось, с очередным ударом голова разлетится на куски. Дверь скрипнула и приотворилась. Пол осветил узкий луч фонарика, резко обозначивший контуры проема.

Снаружи слышалось хриплое дыхание. Иона ощутил на коже легкое дуновение воздуха, затем кто-то переступил порог. Но не вошел в открытую дверь. Иона увидел, как луч фонарика забежал по пакгаузу. Не дав свету упасть на кусок полиэтилена, где он совсем недавно лежал связанным, Иона всем весом резко навалился на дверь.

Человек по ту ее сторону показался великаном. От удара у Ионы лязгнули зубы и боль отдалась в голове, но в ответ раздался лишь хриплый выдох. Фонарик с грохотом упал на пол, разрывая темноту пляшущими всполохами света, когда стал кататься из стороны в сторону. Дернув дверь к себе, Иона нанес незнакомцу удар, который пришелся по касательной. Затем

у него перехватило дыхание, когда в грудь с размаху врезалось плечо противника. Иона грохнулся о стену, вдохнув кисло-сладкий запах застарелого пота. Из темноты на него снова обрушились тяжелые удары. Иона отбил почти все поднятыми руками, но один удар пришелся по голове. Когда Ионе удалось резко выставить вперед локоть, он почувствовал, что попал по чему-то твердому, и тут же двинул вверх колено, однако стоявший перед ним человек отклонился в сторону. Колено врезалось в плотные мышцы бедра, а не в пах, но противник все же отступил. Сквозь застилавшую глаза пелену Иона увидел, как тот согнулся пополам, и на мгновение подумал, что он падает. Затем послышался скрежет металла по камню: смутно различимая фигура подхватила с пола кусок каркасной арматуры. Иона в отчаянии нанес удар ногой, не позволяя замахнуться, и почувствовал, как ступня врезалась в толстый живот. Враг ахнул.

Вдруг колено Ионы взорвалось болью.

Он закричал, но в падении сумел схватить противника и потянуть его за собой. Они рухнули на каменный пол. Незнакомец оказался крупнее и тяжелее, его голова с глухим стуком ударилась об пол. Иона перехватил поднятую руку и с трудом подмял ее под себя. Он попытался зажать ногами туловище врага, но левая нога не слушалась. Скрипя зубами и подстегивая себя болью, Иона изогнулся и всем телом почти прижал гиганта к полу. Тот бился, как выброшенная на берег рыба, но Иона держал крепко. Вдруг в его лоб врезался кулак. Иона выдержал удар, едва не отключившись. Противник дышал придушенно и со свистом, его движения делались все более отчаянными и неистовыми. *Держись. Еще немного. Держись.* Иона вновь и вновь повторял эти слова, словно мантру, изо всех сил не давая незнакомцу вырваться.

В какой-то момент он понял, что тот затих.

Некоторое время Иона не отпускал его. Не мог. Тело его застыло, замерло на месте. Даже когда Иона попытался шевельнуться, руки и ноги не слушались. Наконец он заставил себя ослабить хватку. Противник обмяк и больше не шевелился. Иона повернулся и рухнул на спину, дрожа и хватая воздух ртом. Он едва не терял сознание от боли. В ушах гудело и хлопало, словно в голове била крыльями птица. Темнота вокруг стала еще гуще. Иона почувствовал, как погружается во тьму.

Ну же! Шевелись!

Иона перевернулся на живот, и его тут же вырвало. Опорожнив желудок, он несколько секунд приходил в себя, потом нашарил на полу фонарик и полоснул его лучом противника. Тот неуклюже лежал на боку, заведя руку на лицо, словно защищая глаза от света. Голова его скрылась под грязной курткой, которая задралась во время борьбы. Напрягшись, Иона вытянул руку и толкнул незнакомца в спину.

Тот кулем повалился на живот и снова замер.

Иона бессильно осел на пол. Он не мог определить, дышит противник или нет. В мозгу на мгновение мелькнула мысль, что он мог его убить, тотчас же сменившаяся насущной необходимостью вызвать подмогу. Иона начал осторожно подниматься, но вскрикнул, когда нога подлومилась в колене, и снова рухнул на пол. Он немного полежал, тяжело дыша, потом посветил фонариком на разбитое колено.

Вот мать твою...

Джинсы на ноге пропитались кровью. Колено вывернулось в сторону и уже начало отекать. Иона понял, что на своих ногах он отсюда не выйдет. Подтянувшись на руках и сев прямо, он проверил телефон. Сети по-прежнему не оказалось. Подавив тревогу и страх, Иона провел фонариком по завернутым в пластик телам.

– Надин, ты меня слышишь? – позвал он, отчего в голове застучало еще сильнее. Ответа не было. – Я иду за подмогой... Ты там держись, хорошо?

Он задержал луч фонарика на полиэтиленовых коконах, надеясь заметить хоть какие-то признаки жизни. Их не оказалось, и Иона понял, что медлить больше нельзя. Зажав в руке

фонарик, он прижался спиной к стене и постарался подняться. Его накрыло волной головокружения и тошноты. Колено не держало, и он снова соскользнул на пол по влажной стене.

Хватит попыток. Иона посмотрел на дверь, ведущую в большой пакгауз. В драке они откатились на погрузочную площадку, но до двери было недалеко. Иона твердил себе, что ему всего-то надо добраться до другого конца пакгауза подальше от толстых стен и там он сможет поймать сигнал. Одолеть несколько метров. *Ничего особенного.*

Зажав в руке фонарь, Иона пополз к двери, волоча по полу раненую ногу. Каждое движение отдавалось дикой резью в колене. Оно так опухло, что уже растягивало штанину, а от буханья в голове Иона почти ничего не видел. Его словно сдавило между двумя очагами боли. Несколько метров до двери казались бесконечностью. То и дело приходилось останавливаться, чтобы унять тошноту, он ждал, пока хоть немного утихнет грохот в ушах. Продвигался он крайне медленно, и, лишь ударившись рукой обо что-то твердое, понял, что дополз до двери. Открыв ее ударом ладони, он перевалился через порожек и снова нашарил телефон.

Сигнала не было.

Ну, давай же... Иона опустил голову на каменный пол. Он пах пылью и плесенью, от него веяло прохладой и покоем. Неплохо бы немного полежать, подумал Иона, закрывая глаза. *Отдохнуть несколько минут...*

Он очнулся и резко вскинул голову, уверенный, что услышал за спиной шум. Запаниковав, Иона плеснул лучом фонарика в дверной проем, ожидая увидеть надвигающуюся высокую фигуру. Он никого не заметил, погрузочная площадка оставалась пустой и тихой. Повернув голову, он снова пополз, впившись глазами в стоявший впереди столб, приказывая себе добраться до него. *Тут всего несколько метров, ты сможешь.*

Но он не смог. Сделав еще несколько попыток, Иона понял, что дальше двигаться не может. Он пытался понять, что же делать дальше. *Вызывать подмогу, это верно...* Экран телефона смутно синел перед его глазами, но их застило так, что он ничего не мог разглядеть. Иона онемевшими пальцами тыкал в дисплей и бормотал в надежде, что его кто-то услышит: «Пожалуйста, мне нужна помощь». Он терял нить происходящего, шум и туман в голове заслоняли все остальное. Сознание постепенно покидало его, оставляя лишь стремление к цели.

Затем над ним сомкнулась кромешная тьма.

Глава 3

Небо казалось странным. Ровного грязно-белого цвета с неподвижно застывшим прямо над головой солнцем. Оно не менялось, к тому же на нем виднелись тени и темные участки по углам. Постепенно пришло понимание того, что на небосводе нет углов. Значит, над головой вовсе не небо.

Скорее – потолок.

Иона поморгал и облизнул растрескавшиеся губы. Он находился в небольшой комнате. Лежал на кровати. Голова и все тело болели, но тупо и приглушенно, словно ощущения пропустили через слой ваты.

Где?..

Он ничего не помнил. Иона поднял руку и увидел тянущиеся из нее трубки и провода. Затем попытался сесть и охнул от пронзившей колена боли. Посмотрев вниз, он увидел, что левая нога лежит на наклонном металлическом отвесе, покоясь на чем-то напоминающем кожаный валик. От стопы и почти до самого паха ее туго стягивали плотные белые повязки. Мысли беспорядочно путались. *Какого хрена?..* Его что, ранили во время операции? Или он попал в аварию? Иона снова попробовал сесть, но нога не двигалась. Повторная попытка вызвала еще один шквал боли.

– Погодите, дорогой, не надо этого делать.

Иона не заметил стоящую у кровати медсестру, наполовину скрытую капельницей и стойкой с мониторами. Она закончила регулировать капельный интервал и встала там, откуда он мог лучше ее видеть. Улыбнулась дежурной веселой улыбкой.

– Итак, мы проснулись, верно? Как мы себя чувствуем?

Иона толком не знал. Он попытался что-то вспомнить, но всплыли лишь паника и сумятица.

– Где?.. – прохрипел он. Иона сглотнул, пытаясь избавиться от сухости во рту. – Почему я?..

– Все хорошо, вы в больнице. Вас ранили. Подождите немного, я схожу и приведу врача. Она все объяснит.

Нет, подождите... Ему не хотелось, чтобы она уходила, но сестра уже скрылась за дверью. Он лежал, похолодев от волнения. Голова превратилась в черную дыру, проглатывающую любые мысли, едва те появлялись. Крепко сжав кулаки, Иона постарался замедлить дыхание и сосредоточиться на острой боли от впившихся в ладони ногтей.

Дверь снова открылась. Вошла медсестра в сопровождении женщины со строгим лицом, одетой в синий медицинский халат. Она остановилась у изголовья, а сестра сняла со спинки кровати планшетку и принялась что-то записывать.

– Здравствуйте. Рада видеть, что вы пришли в себя, – сказала женщина в синем халате. Она говорила с сильным ирландским акцентом. – Я доктор Мангхэм, одна из ваших лечащих врачей. Как вы себя чувствуете?

Сердце Ионы по-прежнему колотилось.

– Мысли путаются, – выдавил он.

– Это совершенно объяснимо. Я знаю, что у вас масса вопросов, но сначала не могли бы вы ответить на те, что задам вам я? Первое – как вас зовут?

Мучительно минули две-три секунды, прежде чем пришел ответ:

– Иона. Иона Колли.

Врач кивнула, словно он прошел тест.

– Иона, можете сказать, чем вы занимаетесь?

– Я... Я офицер полиции. – Когда Иона понял, что может что-то вспомнить, к нему начала возвращаться уверенность. – Сержант.

– Хорошо. Вы знаете, где вы сейчас?

Иона оглядел комнату. Связанных воспоминаний не нашлось, но обстановка говорила сама за себя.

– В больнице...

– Можете вспомнить, почему вы тут оказались?

В голове Ионы начали всплывать обрывки воспоминаний, повергавшие его в панику. Он посмотрел на руки. Покрасневшую кожу покрывали ранки.

– Я приехал в пакгауз. На пирсе... На меня напали. – На него шквалом обрушились кошмарные картины. Гевин и молодая женщина. Драка. Он поднес руку к голове, нащупал швы и провел пальцем по выбритым щекам. – Господи, что?..

Иона чуть шевельнулся и ахнул от пронзившей колени боли.

– Постарайтесь не волноваться, – сказала врач. – Нам пришлось прооперировать ваше колено, так что лучше в ближайшее время не делать резких движений. Полагаю, теперь вы захотите много о чем расспросить, так что я постараюсь ответить на относящиеся к медицине вопросы, пока мы быстро проведем осмотр. Договорились?

Сестра засуетилась, накидывая на руку Ионы манжетку тонометра.

– Давно я здесь? – спросил он.

– Два дня. Следите за моим пальцем, – проговорила врач, поднеся к его лицу указательный палец и водя им из стороны в сторону. – Вспомните, приходили ли вы в сознание до этого момента?

– Нет. – Иона снова ощутил нарастающую тревогу, натываясь на пустоты вместо воспоминаний. – Я вообще ничего не помню с того... до того, как очнулся здесь.

– Это вполне типично. Вы получили травму головы, потребовавшую наложения швов, в результате которой на одной из черепных костей образовалась микротрещина. Из-за нее в мозгу возникла гематома. Мы решили, что, возможно, придется прибегнуть к операции, но, к счастью, сгусток рассосался без внешнего вмешательства. Хорошо, сожмите мои пальцы. Отлично. Теперь другой рукой.

Иона покорно повиновался, пытаясь хоть что-то понять.

– А какие-нибудь долговременные нарушения есть? – спросил он.

– Вот это мы и пытаемся выяснить. Однако результаты томографии выглядят обнадеживающе, и то, что я видела до настоящего момента, не вызывает у меня особого беспокойства. Вы поступили к нам с другими травмами – порезами, ушибами и химическими ожогами рук, – но они по большей части незначительны. Можете как можно сильнее упереться правой рукой мне в ладонь? Вот так. – Она выпрямилась. – Ну что ж, похоже, мышечная слабость и двигательные нарушения отсутствуют. Надо сделать дополнительные анализы, но я думаю, что можно надеяться на лучшее. Координация движений и мышечная активность у вас просто прекрасные. Откровенно говоря, они лучше, чем мы полагали, а микротрещина со временем закроется сама. Однако какое-то время вы можете страдать от последствий сотрясения мозга. Это головные боли, повышенная чувствительность к свету, иногда легкая дезориентация. Возможно, у вас начнут путаться мысли, но это должно вскоре пройти.

– Должно?

– Трудно предсказать динамику травм головного мозга. Кто-то выздоравливает очень быстро, кому-то требуется больше времени. Старайтесь не волноваться. Мы весьма довольны вашим нынешним состоянием.

Старайтесь не волноваться. Да, это на пользу. Иона поднял руку, чтобы снова пощупать швы на голове, но потом ему расхотелось это делать.

– А с ногой у меня что?

– Да, я собиралась об этом сказать. – Врач поджала губы и посмотрела на забинтованную ногу. – Там сильные повреждения. Коленную чашечку... В общем, у вас множественные переломы со смещением костных фрагментов. Плюс разрывы сухожилий и связок. Есть и хорошая новость: первая операция прошла успешно.

Иона пристально поглядел на ногу.

– Первая? Вы хотите сказать, что предстоят еще?

– Об этом вам лучше спросить у хирурга-ортопеда. Он подойдет чуть позже, чтобы обсудить возможные варианты. Но вы в прекрасной физической форме, и мышцы вокруг колена у вас очень хорошо развиты. Это поможет, когда начнется реабилитация.

Варианты. Реабилитация. Эти слова вроде бы никогда раньше к нему не относились.

– А долго ждать, прежде чем я смогу вернуться на службу?

Врач улыбнулась. Профессиональной улыбкой, преследующей цель уйти от прямого ответа.

– Думаю, вам какое-то время не следует об этом беспокоиться.

Если она хотела обнадежить пациента, то эффект получился обратным.

– Мне нужно сообщить о случившемся...

– Не сомневаюсь, и здесь находится инспектор уголовной полиции, который желает с вами побеседовать. Однако это может подождать до завтра.

– Мне бы не хотелось ждать. – Ионе не терпелось заполнить пробелы двух минувших дней и выяснить, что же, черт подери, произошло в пакгаузе.

Улыбка врача сделалась надменной.

– Инспектору тоже. Прошу прощения, но решаю здесь я. А теперь вам лучше всего отдохнуть.

Ионе хотелось с ней поспорить. Его просто распирало от вопросов о Гевине, о девушке и других жертвах, о неизвестном, с которым он дрался. Но он вдруг почувствовал себя выжатым как лимон. А затем, когда врач и сестра уходили, он увидел нечто такое, что моментально заставило его забыть обо всем. Прежде чем они успели закрыть дверь, Иона заметил в коридоре полицейского в форме. Господи, они что, *охрану* к нему приставили? Бессмыслица какая-то. Однако все происходящее вокруг тоже содержало мало смысла.

Когда Иона закрыл глаза, вслед ему по темному тоннелю словно рванулся голос Гевина:

Я облажался. И все запорол. Все...

Глава 4

Десять лет назад

– Папа, ты не спишь?

Иона попытался спрятать голову, но с него стянули одеяло. Он заморгал, когда в глаза ударило яркое солнце.

– Папа, проснись!

Детская ручонка ухватила его за щеку.

– Ой, – произнес Иона.

– Ты *не спишь*?

– Сплю.

Раздалось веселое хихиканье.

– Нет, не спишь!

Уже не сплю. От недосыпа кружилась голова. Он очень задержался на службе и вернулся лишь под утро. Иона закрыл глаза.

– Нет, я сплю. И вижу во сне, как на меня садится страшное чудище.

Снова раздался смех:

– Это не чудище. Это я!

– А кто это – я?

– Тео!

– Нет, для Тео оно слишком большое. Это явно чудище. А ты ведь знаешь, что делают с чудищами, да? Их **ПОЖИРАЮТ!**

Тео взвизгнул, когда Иона схватил его и сделал вид, что хочет укунить его в плечо. Сын в полном восторге задрогал ручками и ножками, и тут открылась дверь спальни.

– Его стошнит, он только что позавтракал, – сказала Крисси, направляясь к гардеробу. Она надела короткий халатик, и Иона несколько секунд любовался ее ногами. Он обожал на нее смотреть, и на какое-то мгновение в нем вспыхнул интерес. Но Крисси уже уложила волосы, что на ее языке недвусмысленно означало «руки прочь». Даже когда рядом не крутился веселый четырехлетний сын, дневной секс уже давно не фигурировал в их жизни.

– Ладно, брат, слышал, что сказала мама? – Иона подхватил сына с кровати и поставил на пол.

– Хочу в луна-парк на ярмарке!

– В какой луна-парк?

– С замком! У моря!

Не подозревающий о существовании в северном Лондоне ни фортификаций, ни приморского бульвара Иона решил, что речь шла все-таки не о настоящей ярмарке. Однако Тео редко позволял реальности ограничивать воображение, да и Иона этого не хотел. Достаточно скоро жизнь возьмет свое.

– Значит, так. Давай не пойдем сегодня на ярмарку в луна-парк. Как насчет сходить в простой парк?

Тео задумался.

– А драконы там будут?

– Никаких драконов.

– А ковры-самолеты?

– Ковров-самолетов тоже не будет. Но там найдутся ржавые качели и скрипучая карусель.

А если *очень* повезет, то могу тебе разрешить снова ободрать колени на горке.

Снова раздался восторженный смех.

– Нет!

– А, значит, ты не хочешь в парк?

Тео энергично закивал:

– Хочу!

– Тогда ладно. Если хочешь, то сможем...

– Тео, маме надо собираться на работу. Пойди посмотри телевизор, – вмешалась Крисси.

– Но, мам...

– Сейчас же, прошу тебя.

Тео посмотрел на отца. С надеждой. Иона уныло улыбнулся.

– Сделай, как велит мама.

Шаркая ногами и являя собой воплощенное отчаяние, Тео потащился к двери. Иона подождал, пока он выйдет из спальни.

– Ты на работу? Я думал, у тебя нынче выходной, нет?

Крисси копалась в ящиках.

– Нил попросил сегодня выйти.

Нил Уэйверли являлся старшим партнером в адвокатской фирме, где Крисси работала на полставки. Начала она с секретарши, но два месяца назад ее назначили личным помощником Уэйверли. Адвокат был на несколько лет младше Ионы. И при этом гораздо успешнее его. Ему шили на заказ костюмы из кашемира, которые прятали его объемное брюшко, а волосы Уэйверли зачесывал таким образом, чтобы скрывать лысину. Ни то ни другое не задевало его самолюбия. Во время тренировок Иона начал представлять себе его лицо, когда отработывал удары на боксерской груше.

– Ну, если Нил захотел, чтобы ты вышла, говорить ничего не надо, так? – спросил Иона. Значит, сегодня можно не надеяться поспать еще.

– Не начинай.

Он и не хотел. Просто не смог сдержаться.

– А другой никто не сможет выйти?

– Нет, вот за это мне и платят. Ты же всегда рад подзаработать. – Крисси натянула трусики под халатом, прежде чем сняла его. Иона попытался подавить мысль, что белье новое. – В любом случае я не жалею, когда *ты* работаешь в ночную смену, как вчера.

Вот опять. Однако Иона слишком устал, чтобы снова затевать давний спор. Спор, в котором, как он знал, никогда не победит. И это осознание являлось капитуляцией.

– Я-то думал, что у нас нынче семейный день.

– Я тоже, но это подождет. Закончу поздно, так что встретимся прямо в ресторане. Сиделка должна прийти в семь.

Иона совсем забыл, что вечером они встречаются с Мари и Гвином.

– Тео обидится, если не найдет тебя дома, когда ляжет спать.

– Только один вечер. В любом случае вы без меня проведете время гораздо лучше. – Крисси завела руки за спину, чтобы застегнуть бюстгальтер. Тот был с кружевными вставками. Иона не смог припомнить, что видел его раньше. – Только не притворяйся, что это не так.

– Может, тебе надо постараться как-нибудь пойти вместе с нами.

– Может, тебе надо оставить меня в покое, – отрезала она и отвернулась.

Теперь почти все их разговоры на этом и заканчивались.

Иона раскачивал Тео на ржавых качелях, пока тот не принимался икать от смеха, раскручивал скрипучую карусель, пока у самого не начинала кружиться голова, и ждал, чтобы подхватить маленькое тельце сына, пока тот снова не ободрал колени на горке. Обилием аттракционов игровая площадка похвастаться не могла. Там стоял игровой городок «джунгли», построенный еще до принятия недавних законов о защите здоровья и безопасности, кривобокий конь-

качалка, грозивший сбросить седока, и извилистый лабиринт из труб, куда более уместный на дорожных работах. Но Тео это не расстраивало. Лично он считал, что игровая площадка – это место, где можно порезвиться и посмеяться, несмотря на растрескавшийся гудрон на парковых дорожках, на душасшие деревья переросшие кусты рододендрона и на нестриженный газон, из-за отходов собачьей жизнедеятельности превратившийся в минное поле.

Глядя на незатейливые радости сына, Иона чувствовал, как его отпускает напряжение после сцены с Крисси. Он невольно гадал, скоро ли мир пройдет катком по наивным восторгам детства. Пусть не скоро, с надеждой подумал он.

Людей в парке оказалось немного. Стоял пасмурный будний день. Утренние собачники уже ушли. На площадке сидела лишь женщина с коляской, поправляющая ребенку одеяльце. Хорошо бы нашелся кто-то, с кем Тео мог бы поиграть, хотя сын, похоже, не тяготился одиночеством. Почти все его друзья уже учились в школе, однако, поскольку день рождения Тео пришелся как раз на «водораздел», он пойдет в первый класс только осенью. Но все равно мальчик выглядел совершенно довольным, бегая в светло-голубой курточке и красной шапочке с помпоном и мурлыкая себе под нос. Иона радовался, что Тео растет самодостаточным. Крисси говорила, что сын весь в отца – довольствуется малым.

И комплиментом она эти слова не считала.

Иона зевнул. Неподалеку от площадки на скамейке сидел мужчина с бритой головой, одетый в потертую армейскую куртку. Он походил на бродягу и вертел в руках большую бутылку явно не с пепси-колой. Иона сразу же засек его как полицейский и как отец, с осторожностью смотревший на любого приближающегося к игровой площадке.

Но мужчину, кажется, полностью занимала бутылка. Снова зевнув, Иона с улыбкой взглянул на сына. Щеки у Тео покраснелись от прохладного воздуха в тон шапочке, когда он пытался побыстрее раскрутить карусель. Иона подавил желание крикнуть сыну, чтобы тот вел себя осторожнее. *Нельзя же все время над ним трястись.*

– Пошли, пора домой.

– Ну-у-у...

– Перекусить не хочешь? – За деревьями стояло кафе, куда они обычно заходили, разноцветное деревянное здание, пахнущее крепко заваренным чаем и жареной картошкой.

Тео задумался.

– Еще разок на карусели.

– Только один разок.

– А потом в Змею.

Так Тео называл лабиринт из труб. Иона уже проверил, что там не водится ничего опаснее жухлой листвы. По ночам парк оккупировали наркоманы, и Иона не раз находил в лабиринте брошенные иглы.

Иона, как всегда, согласился:

– Ладно, но только пять минут.

Понадежнее усадив сына на карусель, Иона раскрутил ее до нужной скорости и снова присел на скамейку. Тео широко улыбался ему, сине-красным вихрем проносясь мимо. Довольный этим зрелищем Иона снова зевнул. Он бы с удовольствием остался дома и пораньше лег спать, вместо того чтобы идти в ресторан. Но все же хорошо повидаться с Мари и Гевинном. Они давно не собирались вчетвером, а у Гевина на работе, похоже, сейчас непростой период. В подробности он не особо вдавался, но по его рассказам Иона заключил, что Гевин участвовал в операции против отличавшейся особой жестокостью группировки контрабандистов и наркодилеров из Восточной Европы. Из Румынии или из России, поскольку, по словам Гевина, попытки собрать на них улики походили на ловлю ветра в поле. Глядя на усталое лицо друга, Иона порадовался, что выбрал отдел спецопераций. Служба там ничуть не легче, но, по крайней мере, Иона обычно знал, с кем борется.

Он потер глаза. Еда поможет проснуться. Суп или сэндвич в кафе, затем быстро прогуляться к пруду с уточками – и домой. Найти что-нибудь по телевизору, чтобы Тео развлекался, пока ему, возможно, удастся урвать часок сна до прихода сиделки. Крисси говорила, что задержится, а от этой мысли всего шажок до этого чертова Нила Уэйверли. Между ними что-то есть или у Ионы начинается паранойя? Чутье подсказывало, что есть. А оно редко его подводило.

Иона очень хотел бы на этот раз ошибиться.

Мы между собой разберемся, мы же взрослые люди. Иона не смог сдержать зевков. Господи, как же он устал. Вращаясь, карусель ритмично поскрипывала, создавая механический контрапункт пению сидящего где-то рядом дрозда. Иона слышал, как интервалы между фальшивыми нотами удлинялись, когда карусель крутилась все медленнее и медленнее...

Скрип смолк. И дрозд тоже. Голова Ионы резко вскинулась. Блин, он что, заснул? Он заморгал глазами, поняв, что карусель остановилась.

На ней никого не было.

– Тео?

Из лабиринта послышался шум. Иона облегченно выдохнул, внезапно нахлынувший страх исчез, не успев охватить его целиком.

– Ой, нет, Тео пропал. Пойду-ка я лучше в кафе и поем мороженого без него. – Иона встал и подошел к трубе. Широко улыбаясь, нагнулся и заглянул в дыру. – Похоже, он прячется в...

Из трубы, ошарашив Иону, выскочил дрозд и испуганно взмыл в небо. Иона посмотрел в пустую трубу, с другого конца которой на него глядел кружок света. Иона выпрямился.

– Тео?

Площадка опустела. Тео не оказалось ни на качелях, ни на карусели, ни на качалке. Иона видел, что его нет и в башенке на вершине горки, но все-таки сбегал проверить.

– Тео, это не смешно, сейчас же выходи.

Площадку со всех сторон обступали деревья и кусты рододендрона, но синей куртки не наблюдалось и там.

– Тео? Тео!

Страх быстро перерастал в панику. Иона снова заглянул в трубу, словно сын мог там материализоваться. *Спокойно, он наверняка рядом. Ты же ненадолго заснул.*

Или надолго?

– Тео!

Иона не мог смириться с мыслью, что маленькой фигурки рядом нет. Этого быть не может. Иона огляделся по сторонам, высматривая кого-нибудь, кто мог видеть Тео. Вокруг не оказалось ни души. Молодая мама с коляской ушла, ушел и...

О господи.

Сердце Ионы заколотилось, грозя выскочить из груди. Скамейка, где сидел одетый в армейскую куртку мужчина с бритой головой, теперь пустовала.

– ТЕО!

Иона рванулся к окружающим площадку деревьям и кустам. Принялся выискивать проблеск голубого. Затем повернулся, чтобы снова позвать сына, и заметил на земле, у самого края деревьев, яркое пятно. Не голубое. Красное.

Иона ринулся к нему.

В грязи среди опавшей листвы лежала шапочка Тео.

Глава 5

На следующее утро, когда Иона только закончил завтракать, прибыл инспектор уголовного розыска. Когда дверь открылась так рано, Иона решил, что сестра или санитарка хотят забрать у него посуду. Но в палату вошел чрезвычайно худой мужчина в штатском, и его вид с порога ошарашил Иону. Из-под пышной копны каштановых волос смотрело лицо, напоминавшее оплавленную пластиковую маску. Из-за шрамов от ожогов кожа то неестественно растягивалась, то пузырилась, словно капельки расплавленного воска.

Брюки обвисли вокруг тощих ног, когда инспектор стремительно влетел в палату, не обращая внимания на пораженный взгляд Ионы. Он наверняка настолько привык к подобной реакции, что уже не замечал ее.

– Рад, что вы пришли в себя, сержант Колли. Я инспектор уголовной полиции Джек Флетчер. – Он помахал служебным удостоверением и, не спросив, придвинул к себе пластиковый стул. – Врачи говорят, что вы достаточно здоровы для беседы. Уверен, вы поймете, что есть несколько вопросов, на которые нам хотелось бы получить ответы.

– Да, сэр.

– Чудесно. Однако вы не на службе, так что отставим «сэра», хорошо? – Инспектор присел на стул и чуть поерзал, поудобнее устраиваясь на жестком пластиковом сиденье. – Что вы можете вспомнить?

– Почти все до попытки позвонить и вызвать подмогу. После – ничего. – Иона умолк, потому что на мгновение перенесся мыслями на холодный каменный пол пакгауза. – Как вы меня нашли?

– Вам повезло, – ответил инспектор настолько прямолинейно, что в его словах едва не послышались обвинительные нотки. – Вам удалось дозвониться, прежде чем вы отключились. Однако на ваши поиски ушло довольно много времени, потому что вы говорили бессмыслицу.

Иона напряг память, но не смог припомнить ничего из этого.

– Как девушка? Надин?

Флетчер подался вперед и тотчас уперся в Иону внимательным взглядом.

– Откуда вы знаете ее имя?

– Она сама мне его назвала, когда я пытался вытащить ее оттуда. С ней все нормально?

– Она больше ничего не сказала? Фамилию не назвала?

– Нет, она слишком ослабла. – Ионе это не понравилось. – Разве вы с ней еще не говорили?

Флетчер снова откинулся на спинку стула.

– Никто из жертв не выжил.

Эта новость словно хлестнула Иону по лицу. Он вспомнил девушку, которую пытался спасти. Господи, сколько же ей пришлось вынести...

– Вы знаете, кто они? – спросил он.

Флетчер помолчал и ответил:

– Пока нет. Двое других – мужчины лет двадцати пяти или чуть за тридцать. Один темнокожий, другой, судя по зубным пломбам, из Восточной Европы. Но мы по-прежнему стараемся их опознать.

– А как...

Иона собирался спросить инспектора о Гевине, но дверь открылась, и вошла женщина в черных джинсах и кожаной куртке. С виду она казалась на год-два моложе Ионы, стройная и темнокожая, с коротко подстриженными черными кучерявыми волосами. На ее плече висела похожая на ранец кожаная сумка, в руках она держала пластиковые стаканчики с крышками.

– Ваш кофе, – сказала она, протягивая один Флетчеру.

Сняв крышку, инспектор понюхал поднимающийся пар и отпил маленький глоток. Скорчил гримасу.

– Господи, где вы это откопали?

– Все, что было, сэр.

Похоже, недовольство инспектора не вызвало у женщины никакой реакции. Не говоря Ионе ни слова, она встала в ногах кровати.

– Это сержант уголовной полиции Беннет, – сказал Флетчер, с отвращением ставя стаканчик на стол. – Сержант Колли только что рассказал, что разговаривал с погибшей женщиной. Он, очевидно, пытался вытащить ее из пакгауза. Она сказала, что ее зовут Надин.

Полицейская внимательно посмотрела на Иону.

– Вы разорвали на ней пластик?

– Только на лице. Потом меня ударили сзади, и я отключился. – Иона заметил, как Флетчер и Беннет переглянулись. – Оно было открыто, когда вы ее обнаружили?

Флетчер, похоже, на мгновение задумался, отвечать или нет.

– Нет.

Иону затошнило. Тот, с кем он дрался, наверное, снова обмотал лицо девушки полиэтиленом, пока Иона лежал без сознания. Чтобы наверняка ее прикончить.

– А что подозреваемый? – Иона почти боялся задать этот вопрос. С того момента, как он днем раньше пришел в себя, Иона пытался примириться с мыслью, что мог убить напавшего на него. Поступив на службу в отдел спецопераций, Иона знал, что на работе ему, возможно, придется убивать людей. Это воспринималось как часть работы. Но тут все произошло иначе. Он был не на службе и случайно оказался в совершенно непредвиденной ситуации. Сочтут его действия самообороной или нет, но, если напавший на него мертв, обязательно начнется расследование. Возможно, Ионе даже предъявят обвинение.

Инспектор пропустил его вопрос мимо ушей.

– Допрос мы запишем, так что начнем. Беннет?

Сержант достала из сумки цифровой диктофон. Она включила аппарат, и, после того как они закончили с формальностями установления своих личностей на записи, Флетчер повернулся к Ионе.

– Почему бы вам не начать с самого начала?

Никто не перебивал, пока Иона рассказывал о звонке Гевина и о том, как он оказался на пирсе. Сначала Иона запинался, но привычка и чувство дисциплины скоро взяли свое. За время службы он сотни раз давал устные показания и по ходу дела встроился в привычные модели и интонации, ограждающие его от самых жутких воспоминаний.

Но даже в этом случае некоторые грозили обрушиться на него. Описывая, как обнаружил тело Гевина, как потом его труп заворачивали в полиэтилен и тащили из пакгауза, Иона с потрясающей ясностью пережил это вновь. У него перехватывало дыхание, когда он рассказывал о драке и о кошмаре, в котором полз, чтобы попытаться позвать на помощь.

Когда Иона закончил, на мгновение воцарилась тишина. Он почувствовал усталость и все больше нервничал, ожидая, пока заговорит кто-то из пришедших.

– Хочу лишь уточнить и прояснить сказанное вами, – через пару секунд начал Флетчер. – Вы говорите, что многие годы не поддерживали с Гевиним Маккинни никаких контактов, однако заявляете, что тот вдруг ни с того ни с сего позвонил вам и попросил о помощи. Не сказал зачем и почему, но вы отправились на встречу с ним в заброшенном пакгаузе на набережной под названием, прости господи, Скотобойная. В полночь. Я правильно вас понял?

У Ионы заболела голова, в ушах застучало в такт пульсу.

– Да.

– А когда Маккинни не появился, вы набрали его номер и слышали, как в пакгаузе звонит телефон. Потом отправились на поиски. В частном владении. – Флетчер сделал многозна-

читательную паузу. – Оставляя в стороне тот факт, что вам следовало действовать как офицеру полиции, мне очень интересно, как вы ринулись на помощь тому, с кем, по вашему заявлению, вы десять лет не разговаривали?

Ионе очень не понравилось это *«по вашему заявлению»*.

– Я не «ринулся». Но у меня сложилось впечатление, что Гевин попал в переplet.

– В какой именно переplet?

– Как я и говорил, он не сказал. – Иона пожал плечами, с явным беспокойством вновь ощутив провалы в памяти. – Полагаю, что он, скорее всего, работал под прикрытием, но почему он позвонил именно мне, я не знаю.

– А отчего вы думаете, что он работал под прикрытием?

– А почему еще он оказался там один? – Поведение Флетчера начало настораживать Иону. – Язык, на котором говорила девушка, походил на арабский, а последнее, что я слышал, – что Гевин работал по торговле людьми и организованной преступности. Единственное, что приходит в голову, – он участвовал в расследовании, которое вдруг пошло не так.

– Выходит, он позвонил находившемуся не на службе офицеру из отдела спецопераций, вместо того чтобы срочно вызвать подкрепление? – У Флетчера заслезился глаз. Вынув салфетку, он осторожно промокнул его. – Верьте слову, Колли, что бы Маккинни ни делал в том пакгаузе, под прикрытием он не работал. И его присутствие там не являлось частью операции.

Иона окончательно растерялся.

– Тогда что же он там делал?

– В этом-то и вопрос, верно? Что напоминает мне... – Флетчер свернул салфетку и убрал в карман. – Беннет, будьте любезны.

Полицейская снова полезла в сумку и протянула Ионе небольшой пакет для вещдоков. В пластиковом мешочке лежал телефон Ионы, потертый и поцарапанный. Иона вспомнил, как аппарат летел по каменному полу, когда он случайно задел его ногой. От этого воспоминания его бросило в холодный пот.

– Это ваш телефон? – спросил Флетчер.

– Да, спасибо.

– Нет, я его не возвращаю, – сказал инспектор, прежде чем Иона успел открыть пакет. – Просто хотел подтвердить, что он ваш. Мне нужен пароль и ваше разрешение на его просмотр.

Ионе показалось, что в палате похолодело градусов на десять.

– Зачем?

– Мне бы хотелось проверить данные по входящим, чтобы узнать время, в которое вам звонил Маккинни. – Улыбка Флетчера сделалась зловещей. – Его телефон мы также нашли в пакгаузе и все еще пытаемся его разблокировать. Уверен, вы захотите, чтобы мы подтвердили ваши показания.

Как бы Ионе ни претила мысль о вторжении в его частную жизнь, он знал, что если откажется, это будет выглядеть так, словно ему есть что скрывать.

– Мне нужно что-нибудь подписать?

Беннет протянула чистый бланк и авторучку. Иона сделал вид, что читает текст, но с тем же успехом он мог бы всматриваться в слова на иностранном языке. Иона плохо слушающимися пальцами заполнил бланк, чуть замялся, прежде чем вписать пин-код, после чего наконец поставил подпись. Беннет взяла заполненный бланк и телефон и убрала их в сумку.

– Теперь поговорим о вас и Гевине Маккинни, – сказал Флетчер. – Вы познакомились в школе, верно? Оба росли в приемных семьях. Его отдали на попечение родных, а вы своих родителей никогда не видели. Вас, наверное, связывала общая судьба, разве нет?

Иона не понимал, куда тот клонит.

– Полагаю, да.

– Более чем «полагаю». Жена Маккинни говорила, что в свое время вы были не разлей вода. Вместе поступили в полицию, были друг у друга шаферами на свадьбах. Маккинли даже крестный отец вашего сына.

Во взгляде Флетчера промелькнуло что-то такое, отчего Ионе стало не по себе. Он ничего не ответил.

– И вот примерно десять лет назад ваши дорожки внезапно разошлись, – продолжал инспектор. – Жена Маккинни не смогла объяснить почему, но что-то вдруг изменилось. Почти всю жизнь вы были лучшими друзьями и вдруг перестали разговаривать. Что случилось?

Ионе не хотелось об этом говорить.

– У нас обоих семьи, заботы, работа. Мы просто потеряли друг друга из виду.

– Просто потеряли друг друга из виду, – кивнул Флетчер, словно считал это само собой разумеющимся. – Весьма внезапная «потеря», если верить его жене. И это произошло вскоре после того, как вы потеряли сына.

Эти слова вонзились в сердце Ионы словно острый нож.

– После того очень многое изменилось. Я развелся. Потерял связь с прежними друзьями. Нелегкое выдалось время.

– Прошу прощения, если задел вас, – сказал Флетчер вовсе не извиняющимся тоном. – Просто хочу установить, почему после десятилетнего молчания Маккинни обратился за помощью *именно к вам*. Не к своему сослуживцу, не к кому-то, с кем он по-прежнему поддерживал контакт. А к вам. На это должна иметься причина, и отправной точкой стало бы в первую очередь понимание того, почему разошлись ваши дорожки.

– Не из-за Тео. – Иона старался сохранять спокойствие, но чувствовал, как в голосе прорываются эмоции. – Если хотите расспросить меня о происшествии в пакгаузе, то спрашивайте. Но сына в то дело не вмешивайте.

Инспектор подвигал челюстью, словно что-то жевал.

– Значит, между вами и Маккинни конфликта не было? И вы не затаили на него злобу?

– Если бы затаил, то зачем бы тогда отправился ему на помощь? – Но Иону все-таки начал охватывать холодок. – Вы что, думаете, я *вру*? Господи боже, уж не считаете ли вы, что это я его убил, нет?

– Мы просто пытаемся установить факты, – ответил Флетчер.

– И поэтому дверь палаты охраняет полицейский? Потому что меня в чем-то *подозревают*?

Флетчер пожал плечами.

– Охрана – простая мера предосторожности. Пресса всюду сует свой нос. Мы изо всех сил пытаемся сохранить в тайне подробности, включая ваше имя, но это лишь вопрос времени, когда кто-нибудь сольет информацию репортерам. Уверен, что вам не захочется, чтобы тут ошивались газетчики. И нам тоже.

– Значит, меня ни в чем не подозревают?

– Вы являетесь единственным свидетелем убийства нескольких лиц, – вдруг с горячностью бросил ему в лицо Флетчер. – Касательно происшествия у нас имеются только ваши показания, и, если откровенно, во многое в них мне верится с большим трудом. Так что заранее меня извините, если вам не понравятся некоторые вопросы.

Ощущение кошмара усилилось, когда до Ионы дошел весь смысл слов инспектора. Если его показания единственные, это означает, что полиция не смогла допросить подозреваемого. Иона вспомнил лежавшее после драки на полу безжизненное тело и глухой стук ударившейся о камень головы. *О господи...*

– Чуть раньше вы не ответили, когда я спросил о напавшем на меня. – Иона умолк, опасаясь услышать ответ инспектора. – Он мертв?

Флетчер откинулся на спинку стула и положил ногу на ногу. Чуть выше носка показался лиловый шрам.

– Что ж, давайте поговорим о нем, идет? Вы наблюдали, как он заворачивал тело вашего друга в полиэтилен и тащил его из пакгауза, как вам показалось, в шлюпку, потом долго с ним дрались, вырубали, но не сумели разглядеть. Вы не можете сказать, сколько ему лет, он темнокожий, белый или какой-то еще. Единственное – плотный, коренастый мужчина выше вас ростом.

У Ионы внезапно пересохло во рту. Он не понимал, что за игру ведет инспектор, но ему оставалось только в нее играть.

– Я же говорил, было темно. И к тому времени я уже получил трещину в черепе. Спросите врачей, если не верите.

– О, я не ставлю под сомнение ваши травмы. Это глупо, не так ли? Однако мы лишь с ваших слов знаем, как вы их получили.

Даже пребывая в волнении и замешательстве, Иона понял, что происходит нечто странное. Он что-то упустил.

Однако прежде, чем он смог ответить, раздался стук в дверь. Из-за нее показалась голова медсестры, той самой, что дежурила, когда Иона днем раньше пришел в себя. Она улыбнулась сыщикам и постучала пальцем по циферблату часов.

– Прошу прощения, но придется попросить вас...

– Господи, ну что еще такое? – бросил Флетчер, и тугая кожа на его лице покраснела от злости. – Я веду допрос!

Улыбка исчезла с лица сестры.

– Оговоренное вами с врачом время вышло. Если хотите условиться еще об одном...

– Вот что, не говорите мне, как выполнять мою работу, а я не стану вас учить мыть утки.

Или этого...

– Инспектор, – быстро проговорила Беннет.

Она ничего больше не сказала, но не шевельнулась, когда Флетчер впился в нее испепеляющим взглядом. Он первым отвел глаза.

– Хорошо, ладно, мы заканчиваем.

Беннет натянуто улыбнулась сестре.

– Еще пять минут, мы округляемся и уходим.

– Пять минут, и все.

Медсестра бросила на Флетчера сердитый взгляд и закрыла за собой дверь.

– Продолжим в следующий раз, – сказал Флетчер, вставая со стула. Беннет выключила диктофон и убрала его в сумку.

– Подождите, я не понимаю, что происходит. – Иона испытал облегчение оттого, что они уходят, но растерялся еще больше, чем раньше. – Хотя бы скажите, мертв он или нет.

Инспектор остановился у двери. Они с Беннет снова переглянулись.

– Хороший вопрос. Кровь на полу пакгауза мы определили как принадлежащую Маккинни. Похоже, она перетекла через что-то, на чем он лежал, так что это, по крайней мере, подтверждает ваши слова о листе полиэтилена. Там осталось немного вашей крови, а также крови человека, которого мы не смогли опознать.

– Я же вам сказал, что тот, с кем я дрался, ударился головой об пол, когда мы упали. Это его кровь.

– По вашим словам. Дело в том, что единственные найденные нами отпечатки пальцев принадлежат вам, а завернутые в пластик трупы – трем жертвам. Мы обнаружили машину Маккинни, припаркованную рядом с вашим автомобилем, однако не нашли ни малейших следов его тела или пришвартованной у пакгауза лодки. А этот загадочный напавший, с которым вы, по вашему заявлению, дрались и которого бросили без сознания... – Флетчер широко раз-

вел руками, словно фокусник, демонстрирующий, что в них ничего нет. – Что ж, похоже, он встал и ушел.

Глава 6

Десять лет назад

За несколько недель после исчезновения Тео жизнь Ионы изменилась до неузнаваемости. Дни превратились в сплошное бессонное кошмарное пятно. В первый день он просто стоял, потрясенный и заторможенный, пока съезжались полицейские машины и фургоны, а вокруг парка организовывали оцепление. Иона чувствовал себя словно в нескончаемом кошмарном сне, пока тихие зеленые лужайки наполнялись фигурами в желтых катафотных куртках и белых комбинезонах. Он сбился со счета, сколько раз ему пришлось рассказывать о случившемся, заставляя себя отвечать на вопросы, когда ему хотелось кричать от нетерпения. Нужно проверить магазины и камеры наружного наблюдения в парке, неустанно твердил он спрашивавшим его полицейским. Те засыпали его спокойными и взвешенными уверениями – точно так же, как и он во время допросов.

Потом задавали больше вопросов.

Самое худшее во всем этом было то, что Иона все *прекрасно знал*. Знал, что они думают. Знал, как обычно развиваются подобные дела. Однако он не мог смириться с вероятностью того, что все это имело отношение к Тео, *его* сыну, с которым они вместе смеялись всего за несколько часов до трагедии. Иона отказывался уходить из парка, словно, выйдя оттуда один, он примет случившееся как данность, тем самым подтверждая его необратимость.

Звоня Крисси, чтобы сообщить ей трагическое известие, Иона пережил вторые самые худшие минуты в жизни. Временами он сомневался, действительно ли жена любит сына, поскольку казалось, что она относилась к нему слишком холодно. Но во время разговора по телефону у нее случилась истерика, она кричала и визжала, пока связь вдруг не оборвалась. Когда она в сопровождении тещи приехала в парк, Иона раскрыл объятия, желая тем самым успокоить и ее, и себя. Крисси ударила его по рукам и набросилась на Иону с кулаками.

– *Как ты мог? Как ты мог, мать твою, его упустить?*

Иона молча стоял, не пытаясь защититься ни от ее кулаков, ни от обвинений, пока не вмешались два констебля и не увели плакавшую навзрыд Крисси к теще. Иона почти радовался боли от ее ударов на своих пылающих щеках.

Во случившемся он винил только себя.

Увидев зашедшего за оцепление Гевина, он чуть не расплакался от благодарности и облегчения. «Давай-ка отойдем туда, где народу нет», – сказал Гевин и потащил его, как зомби, к припаркованному у входа в парк полицейскому фургону. Внутри стояли стулья, столики, висела лекционная доска, но людей не оказалось. Гевин захлопнул за собой дверь и достал из кармана куртки плоскую бутылочку с водкой.

– Вот, – сказал он и протянул ее Ионе. Тот замотал головой, но Гевин силой вложил ее ему в руку. – Хлебни. В таком состоянии от тебя толку никакого.

Водка обожгла горло Ионы и огнем упала в желудок. Он почувствовал, что его трясет.

– Я заснул, Гев. *Заснул...*

Если бы Гевин стал ему сочувствовать, Иона бы этого не заметил. Но Гевин велел ему взять себя в руки и крикнул, что самоедством горю не поможешь. Когда Иона снова поднес бутылочку ко рту, Гевин ее отобрал.

– Ты нам нужен собранный, а не раскисший, – сказал он.

Гевин не перебивая слушал, пока Иона рассказывал, что произошло, и описывал мужчину, которого видел на скамейке. Он всегда славился наблюдательностью, а картина ярко отпечаталась в его мозгу. Высокий, чуть за тридцать, сухопарый и жилистый, даже когда сидит. Бледная кожа, гладко выбритая голова, но покрытые легкой щетиной впалые щеки. Грязные

и потрепанные синие джинсы, засаленная желтовато-зеленая армейская куртка. Гевин молча слушал, а потом произнес слова, которые много лет станут эхом звучать в голове Ионы.

– Мы его найдем, – сказал он, глядя Ионе в глаза. – Обещаю. Найду его, чего бы это ни стоило.

Ионе отчаянно хотелось ему верить. Но когда он снова вышел на улицу и увидел опоясывающую детскую площадку ленту и одетых в комбинезоны криминалистов, обшаривающих кусты, где он нашел шапочку Тео, жестокая и беспощадная реальность почти раздавила его.

Следующие два дня стали сплошной пыткой. Каждая минута превратилась в вечность, сотканную из напряженного ожидания звонка в дверь или по телефону. Крисси с ним не разговаривала, а если и случалось перемолвиться словом, быстро срывалась на уже навязшие в зубах обвинения. Они стали друг для друга даже более чужими, чем находящийся рядом сотрудник по связям с семьей. Сделанное ими телевизионное обращение обернулось катастрофой, невообразимым кошмаром, сплошь состоявшим из софитов, телекамер и микрофонов. Когда они сели, Иона положил руку на плечо Крисси, стараясь подбодрить ее и себя. Она сбросила его ладонь, и это увидели все вокруг, а потом все пошло наперекосяк. Крисси почти все время молчала, сидела мрачная и холодная, предоставив мужу отвечать на вопросы. Иона пытался говорить, но мысли путались, он что-то растерянно и невразумительно бормотал в осуждающие объективы телекамер. Когда один из журналистов спросил его, правда ли то, что Иона заснул, его так накрыло ураганом собственной вины, что он лишился дара речи.

– Да, он заснул, – прошипела Крисси в повисшем молчании.

Эта фраза попала во все выпуски новостей.

Сидение в четырех стенах стало пыткой для них обоих. Знакомая обстановка теперь выглядела чужой, отсутствие Тео совершенно ее изменило. Казалось невозможным, что его нет в доме. Каждая комната по-прежнему хранила его следы, отголоски слов и смеха. Когда становилось совсем уж невыносимо, Иона выходил на улицу и быстро шагал куда глаза глядят. Его одолевали фантазии, как он находит Тео или ловит мужчину из парка. Иона старался не думать о том, что могло произойти с сыном. Возможно, происходит прямо сейчас. Он постоянно проверял телефон, нет ли там пропущенных звонков или сообщений, и страх того, что он может что-то упустить, разрастался до такой степени, что вновь и вновь гнал Иону обратно в превратившийся в настоящее чистилище пустой дом.

А томительное ожидание продолжалось.

Их часто навещал Гевин. Как он ни пытался это скрыть, Иона замечал в глазах друга то же ужасное осознание случившегося, которое переживал сам. Хотя он никогда не занимался пропавшими детьми, Иона слишком хорошо представлял себе, как развиваются события при расследовании таких дел. Статистика, которая раньше воспринималась как колонки холодных цифр, теперь, когда Иона оказался по другую ее сторону, приобрела совершенно новый, зловещий смысл. Иона слишком хорошо понимал принцип «драгоценных часов», когда шансы найти ребенка уменьшались прямо пропорционально увеличению времени поисков. Он не мог с собой совладать и то и дело смотрел на часы, мучительно осознавая, что время безвозвратно уходит.

И тут, словно на пустом месте, появился подозреваемый.

На третий день ранним утром к ним в дом приехал Гевин. Крисси еще спала, ища спасение во временном беспомыслии прописанных ей успокоительных, делавших ее сонной и заторможенной. Гевин велел ему не беспокоить ее, но по лицу друга Иона догадался, что что-то случилось.

– Мы взяли бродягу из парка, – сказал Гевин.

Бродягой оказался Оуэн Стокс, тридцатичетырехлетний уроженец Ливерпуля с богатым уголовным прошлым от кражи со взломом до нападений на людей с отягчающими обстоятельствами. Многие деяния усугублялись алкоголем и наркотиками, Стоус вышел из тюрьмы всего

два месяца назад. Однако он пропустил последнюю явку к инспектору по УДО, ограбил двух постояльцев дома временного содержания, где его поселили, и сбежал оттуда. Арестовали его прошлым вечером, когда он в пьяном виде справлял малую нужду у дверей магазина. Стокс настолько верно совпадал с описанием Ионы, что полицейские сразу его задержали. Еще не протрезвев, он с вызывающим видом признался, что сидел в парке тем утром, когда исчез Тео. Гевин рассказал все это Ионе и достал телефон. Потом замялся.

– Не надо бы тебе это смотреть. Да и мне тоже.

– Показывай, – сказал Иона.

Это оказалась запись допроса Стокса. Иона сразу узнал в нем мужчину из парка – высокого, тощего, в засаленной желтовато-зеленой армейской куртке. С гладко выбритой головой и издевательской улыбочкой на губах. Когда тот оглянулся, входя в дверь, Иона заметил расходящиеся в стороны линии вытатуированной на его загривке паутины.

Стокс сидел сторбившись на стуле, задаваемые вопросы, похоже, вызывали у него скуку. С лица его не сходила презрительная усмешка, и в какой-то момент он даже зевнул.

– Все у вас не так, начальники, – лениво протянул он допрашивавшим его оперативникам с казавшимся почти пародийным ливерпульским выговором. – На малолеток я не западаю, а на мальчишек тем более. Была бы у него сестренка лет шестнадцати, может, и подумал бы.

Он рассмеялся, и Ионе захотелось пробить рукой экран и свернуть мерзавцу шею. Он даже не расслышал, как в комнату вошла Крисси, и не понял, что она там, пока жена не заговорила:

– Это он?

Она стояла за их спинами и поверх плеч глядела на экран. Гевин попытался спрятать телефон и уговорить ее не смотреть, но Крисси и слушать не желала:

– Тео и мой сын тоже. Хочу все увидеть.

Она молча досмотрела запись до конца. После этого повернулась к Ионе с выражением глубочайшего презрения на лице:

– И ты позволил этому животному забрать моего ребенка?

Затем, ни слова не говоря, вышла из комнаты.

Чуть позже вечером раздался звонок в дверь. Пришел главный инспектор уголовной полиции Уэллс, старший следователь, возглавляющий поиски и ведущий расследование. Днем он уже разговаривал с Ионой и подтвердил, что Оуэн Стокс находится под стражей и его допрашивают. Увидев стоявших на пороге с каменными лицами инспектора и офицера по связям с семьей, Иона понял, что сейчас узнает то, чего так боялся.

Но ему не сообщили о признании Стокса, на которое он надеялся. Они с Крисси сидели на диване чуть поодаль друг от друга, пока Уэллс рассказывал о заросшей со всех сторон травой дренажной трубе, скрытой за кустами рододендрона у самой игровой площадки. Трубу уже обследовали и выяснили, что ее прикрывает железная решетка. Посмотрели, до какой степени проржавели прутья, увидели, что петли сломаны, отчего с одной стороны образовался узкий проем. Уэллс виновато сказал, что его трудно разглядеть и нелегко в него проникнуть, по крайней мере взрослому.

Однако не четырехлетнему ребенку.

Затем Уэллс показал им фотографию. Она запечатлела кроссовку маленькую, грязную и размокшую от воды. Той же марки, размера и цвета, которые Тео надел в утро, когда пропал.

Башмачок извлекли из трубы, сказал Уэллс. Поиски длились недолго, поскольку каменный трубопровод резко сужался, соединяясь внизу с подземными водоотводами, слишком узкими, чтобы туда мог пролезть взрослый. Но, опять же, не мальчуган.

– Не понимаю, – сказал тогда Иона. – А как же тогда Стокс?

Уэллс покачал головой, словно услышал вчерашние новости. Он ответил, что Стокса отпустили. Камеры наружного наблюдения у входа в парк зафиксировали, как тот выходил

один. Более того, выгуливавшие в то утро собаку супруги подтвердили, что Стокс к ним подходил и выпрашивал деньги. Выяснилось, что эта пара – сотрудники Армии Спасения, они были без униформы и уговаривали его обратиться в приют. В конце концов Стокс оскорбил их и ушел. Однако согласно хронологии событий, предоставленной самим Ионой, он никак не мог иметь отношения к исчезновению Тео.

Иона почувствовал, как задыхается.

– Нет, этого быть не может, это ошибка, – пробормотал он. – Тео не стал бы вот так бродить по парку. Его наверняка похитили.

– А ты откуда знаешь? – ровным голосом спросила Крисси. – Ты же спал.

Офицер по связям с семьей увел ее в другую комнату, оставив Иону и инспектора сидеть в гостиной. Иона по-прежнему смотрел на зажатую в пальцах фотографию кроссовки Тео.

– И что это означает? – спросил он, даже теперь не желая осмыслить и понять случившееся.

Уэллс посмотрел на него так, словно хотел хоть сквозь землю провалиться, лишь бы не сидеть в этой комнате.

– Мы сделаем все возможное, чтобы отыскать вашего сына, – произнес он, – но вы должны осознать возникшие трудности. Труба соединяется с подземными водоотводами, тянущимися на многие километры. Даже с помощью волоконно-оптических зондов мы можем проникнуть лишь на небольшое расстояние. Прошу меня простить, но нужно трезво смотреть на вещи.

И тут инспектор произнес слова, после которых Иона все понял, которые принесли ему рвущее сердце осознание того, что он больше никогда не увидит сына:

– Простите меня...

На следующий день Иона впервые за все время вернулся в парк. На детской площадке раздавались звонкие голоса и смех играющих ребятишек, за которыми присматривали скучающие взрослые. При виде них Иона ощутил такую жгучую тоску и зависть, что у него защемило сердце. Обозначавшую место происшествия ленту сняли, остался лишь маленький огражденный кусочек в кустах рододендрона. Там срезали жесткие стебли, оголив низкий сводчатый проход с мокрыми и зелеными от водорослей камнями. Он нависал над тем самым ручейком, в котором они с Тео играли в «пустяки», и темной пещеркой, где быстро исчезала стремительно текущая вода. Из каменной кладки торчали ржавые обрубки металлических прутков, но над колодцем уже установили новые воротца из оцинкованной стали, похожие на тюремную решетку.

У Ионы поплыло перед глазами, когда он смотрел в простирившуюся внизу темноту, глядел с щемящей тоской и опустошенностью, казалось не имеющими ни начала, ни конца.

Уже выходя из парка, он остановился у скамейки, где сидел Оуэн Стокс. Обычные, потрескавшиеся от дождя доски, испачканные белым птичьим пометом. При виде нее внутри у Ионы закипела ярость. Ему захотелось броситься и разбить ее на мелкие кусочки, и лишь огромным усилием воли он заставил себя развернуться и уйти. Инспектор Уэллс ошибался. Ничего столь невообразимо чудовищного не случается просто так. Тео, его смешливый мальчуган, не мог вот так сгинуть с лица земли. Что-то должно быть этому виной.

Или кто-то.

Глава 7

– Давай, ты же можешь.

Не могу. Не могу, и все. Иона зажмурился и заскрипел зубами. Напрягся.

– Вот так, отлично. Еще чуть-чуть.

Это называется отлично?

Санни еще немного согнула его ногу.

– Господи! – Иона ударил кулаком по обитой дерматином кушетке, из его глаз потекли слезы.

– Ладно. По-моему, на сегодня достаточно.

Иона слабо кивнул.

– Знаю, что тебе, может, так и не кажется, но у тебя все отлично получается, – сказала Санни.

Иона вытер пот со лба.

– Да, похоже на то.

– У тебя сложный перелом, так что нужно время, – продолжила она. – Это нормально.

Но уж верь слову, ты делаешь успехи.

Успехи. Кто-то двигает его ногой, раз от разу пытаясь согнуть ее на несколько миллиметров сильнее, пока он обливается холодным потом и старается не завизжать от боли. Иона испытал шок, когда в первый раз увидел свою ногу без повязок. Она сделалась лиловой и распухла вдвое больше от обычного размера, на деформированной поверхности крест-накрест теснились швы на ранах. Колено походило на обглоданный собакой обрубок из лавки мясника, а не на часть его тела.

Хирург-ортопед говорил кратко и по делу. Иона получил травму колена, характерную для мотоциклетных аварий. У него была раздроблена коленная чашечка и сильно повреждены связки и сухожилия. Хирург, похоже, не без самодовольства описывал, как он восстанавливал надколенник, закрепляя смещенные фрагменты костей титановыми штифтами и проводочными лигатурами. Но повреждения оказались весьма обширными. Возможно, потребуются последующие операции, хотя это станет ясно через несколько месяцев, когда сустав заживет. В любом случае Ионе стоит приготовиться к тому, что выздоровление станет для него долгим и болезненным процессом.

О будущем Иона старался не думать, но это становилось все труднее. Шли разговоры, что через день-два его выпишут, но даже по самым оптимистичным прогнозам, он вряд ли скоро вернется в команду. Возможно, и вовсе не вернется.

Эта перспектива его пугала.

– Борьба идет здесь. – Санни постучала пальцем по его виску, когда Иона садился на кушетке. – Боль – это способ, при помощи которого тело сообщает тебе, что что-то не так. Главное – это то, как ты отнесешься к этому сообщению.

Когда колено рвало от боли, поверить во все это казалось трудно.

И все-таки он по крайней мере мог самостоятельно передвигаться. В самом начале на сеансы физиотерапии его возили в кресле-каталке, а теперь он ходил туда и обратно на костылях с локтевым упором. Иона лежал в больнице вторую неделю и каждый раз, ковляя по знакомому коридору в свою палату, удивлялся, что так быстро приспособился к больничному режиму и распорядку. Помогало, что ему разрешили принимать посетителей. С протокольными визитами приходило начальство вплоть до старшего суперинтенданта и представителя Федерации полиции, интересовавшихся его состоянием и самочувствием. Было очень приятно повидаться с ребятами из команды, особенно с Ханом и Нолан. Все это напомнило ему, что за пределами больницы по-прежнему шла нормальная жизнь.

Сослуживцы также рассказали ему гораздо больше о вызванном происшествием на пирсе широком общественном резонансе. Убийства на Скотобойной набережной породили шумиху в прессе по всей стране, что сопровождалось вполне предсказуемым зубоскальством газетчиков по поводу названия места преступления. Общее мнение гласило, что трагедия стала результатом провалившейся секретной операции, чего, очевидно, и не пытались отрицать представители следствия по связям с общественностью.

Однако из новостей Иона узнал драгоценные мелкие подробности. Официальные заявления полиции представляли собой по большей части общие слова и заверения, что виновные предстанут перед судом. Это распространялось даже на Гевина. Его гибель теперь официально рассматривалась как «убийство без тела», и пресса особо подчеркивала факт, что совершившие его так и не найдены. Однако в то время, как средства массовой информации изображали его героем, погибшим при попытке спасти других, полиция отзывалась о нем до странного более сдержанно. Не высказывалось никаких неофициальных мнений касательно личности убийцы или его мотивов, не выносились частных суждений и предположений из анонимных источников. Поскольку дело сопровождалось огромным числом вопросов, официальная позиция, казалось, состояла в том, чтобы говорить как можно меньше, а не признавать отсутствие информации. Лишить версию подпитки фактами и тем самым предоставить прессе заполнять образовавшийся вакуум всяческими измышлениями.

По крайней мере, участие самого Ионы почти полностью обошли вниманием. Мелькали отсылки к получившему ранение «неназванному офицеру полиции» – но не более того. А трем неопознанным трупам из пакгауза уделяли еще меньше внимания. Согласно слухам, которые Ионе передали Хан и Нолан, всех жертв ударили по голове, а потом еще живыми завернули в полиэтилен. Причиной смерти стало удушье, в случае молодой женщины усугублявшееся обезвоживанием и стойким нарушением функции внутренних органов. Полиэтилен служил не только для сокрытия тел до того, как от них избавились. Он стал одним из орудий убийства.

Но кроме этого Хан и Нолан ничего не смогли сообщить. Хотя три жертвы остались неопознанными, это не помешало газетчикам заключить, что они наверняка являлись нелегальными мигрантами, возможно убитыми теми же перевозчиками, что тайно переправили их в страну. Имя женщины – Надин – и ее возможное ближневосточное происхождение предали огласке, однако без фотографии, способной «очеловечить», она и две другие жертвы превратились в незначительную деталь или немногим более того. Их гибель вызвала в прессе призывы покончить с организованной преступностью, а также критику состояния границ Британии и ее иммиграционной политики. Однако в поднявшейся шумихе затерялся тот факт, что три человека погибли жестокой и бессмысленной смертью.

Флетчер и Беннет еще два раза приезжали с целью допросить Иону, и каждый раз оказывался ненамного приятнее предыдущего. Инспектор явно считал, что Иона знает больше, чем говорит, и Иона не мог его в этом винить. Возможно, твердых улик против него не нашлось: Иона благодарил небо, что постарался не испачкаться в крови Гевина, когда проверял его пульс. Однако дравшегося с ним по-прежнему не нашли, и изложенную Ионой версию событий не подтверждало ничего, кроме единственного звонка от Гевина в журнале вызовов его телефона. От этого Иона пребывал в неопределенности, сам не зная, подозревают его в чем-то или нет.

Пока Флетчер прямо об этом не говорил.

Путь из кабинета физиотерапии казался долгим. Но как бы Иона ни устал, от вида своей палаты на него навалилась тяжесть. Хотя за дверью больше не стоял констебль – охрану потихоньку убрали несколько дней назад, и Иона увидел в этом хороший знак, – маленькое пространство без окон все равно походило на тюремную камеру. Днем там было более-менее терпимо, когда яркие флуоресцентные лампы высвечивали все щербинки и сколы, создавая впечатление лишенной всякого течения времени пыточной камеры. Ночью же становилось еще

хуже. Иона плохо спал уже много лет, но с момента попадания в больницу он даже обрадовался прежней бессоннице. Теперь закрыть глаза означало попасть в кинотеатр подсознательного. Кошмаров он почти не помнил, однако в ужасе просыпался, хватая ртом воздух, уверенный в том, что в палате кто-то есть.

Рядом никогда никого не было.

Когда Иона доковылял до палаты, он задыхался и взмок так, будто пробежал длинную дистанцию. С желанием поскорее рухнуть на кровать он открыл дверь и замер на пороге.

В ногах кровати стояла незнакомая женщина и читала его медицинские карты. Ей было чуть за тридцать, она носила обычную одежду, а не сестринский или хирургический халат. Когда Иона вошел, она вздрогнула от неожиданности, но потом улыбнулась.

– Здравствуйте. Вы, наверное, Иона. Меня зовут Корин Дели, – сказала она, повесив планшетку с картами на спинку кровати.

Судя по интонации, она, похоже, решила, что Иона узнал ее по имени. Он не узнал, но попытался скрыть свое невежество и прошел в палату.

– У меня на сегодня больше ничего не назначено, верно? Я только что с физиотерапии.

– Нет, но я проходила мимо. Теперь вы вернулись, и я решила, что у нас выдастся время поговорить.

У Ионы упало сердце. Теперь он смутно догадывался, зачем она явилась.

– Вы психолог?

Ему предложили консультации психолога, чтобы справиться с последствиями происшедшего, он пока что не дал согласия, но и не отказался. Хотя все должно было происходить добровольно, Иона опасался, как бы отказ не сказался на предстоящем возвращении на службу. Он не хотел усложнять и без того уже обещающую стать нелегкой ситуацию.

Однако Иона считал, что до принятия решения у него есть несколько недель, и не думал, что все случится так неожиданно.

Женщина, похоже, немного ступевалась, хотя улыбка не сходила с ее лица.

– Я не называю себя собственно *психологом*...

Ионе было все равно, как она себя называла.

– Слушайте, я очень устал. Подождать нельзя?

– Ну, полагаю, что можно, но поскольку я здесь...

Иона замаялся. Физиотерапия и долгий путь сильно утомили его, и ему совсем не хотелось отвечать на вопросы о душевном состоянии. Но раз уж на то пошло, наверное, лучше побыстрее с этим развязаться? И кто знает? Возможно, это даже поможет ему наладить сон.

– Это ведь ненадолго, так? – спросил Иона, собираясь присесть на кровать.

– Как захотите, – ответила женщина, еще шире расплываясь в улыбке и уступая ему дорогу. – Вам помочь?

– Нет, спасибо, сам справлюсь. – Иона прислонил костыли к спинке и опустился на кровать, вытянув больную ногу. Сумел кое-как улыбнуться. – Ну, как станем работать?

– Так, может, начнем с того, что вы мне расскажете, как себя чувствуете? И прошу вас, называйте меня Корин, – добавила она, ища в сумочке телефон. Нашла его и показала. – Не возражаете, если я запишу разговор?

– М-м-м, нет, думаю, что нет.

Присев на стоявший у кровати стул, она сняла жакет. Иона думал, что психологи выглядят совсем не так, как Корин. Ее наряд смотрелся бы куда уместнее на вечеринке, нежели на сеансе реабилитационной терапии.

– Простите, еще учусь с ним обращаться... Вот так. – Она подняла глаза от дисплея телефона. – Прежде чем начнем, спрошу: можно называть вас Иона или вы предпочитаете обращение «сержант Колли»?

– Можно Иона.

– Вы уверены, что не против записи разговора?

– Нет, давайте.

– Спасибо, чудесно. – Иона заметил, что у нее красивая улыбка. – Итак, вы хотели рассказать, как себя чувствуете.

– Хорошо. Ну, знаете... – Он пожал плечами. – Колено немного побаливает.

– Наверное, случившееся очень сильно вас травмировало, – сочувственно посмотрела на него Корин. – Каковы были первые ощущения? Когда вы вошли в пакгауз и увидели тела?

– Я... ну, не знаю. Трудно сказать.

– Попробуйте, хорошо?

Иона потер шею, страшно не желая облекать чувства в слова.

– Думаю, шок.

– Можете поподробнее?

Иона уже проделывал это бесчисленное количество раз. Он по-прежнему помнил холод пакгауза, его пронизывающе сырой воздух и свои гулко отдававшиеся эхом шаги по каменному полу.

– Может, вернемся к этому чуть позже?

На ее лице мелькнуло нечто похожее на досаду.

– Конечно. Но не могли бы вы описать свои ощущения? Вы испугались?

Господи, что за вопрос такой?

– Я попал в нештатную ситуацию, – ответил Иона, переходя на полицейский жаргон.

– Значит – да?

Иона подумал, как лучше ответить, потом пожал плечами:

– Если хотите.

– Вы опасались за свою жизнь?

Для психолога бестактно спрашивать о подобных вещах, но Иона вроде догадался, к чему она клонит. Выискивает признаки посттравматического расстройства.

– Времени раздумывать об этом особо не оставалось, – ответил он, жалея, что согласился на сеанс.

Она кивнула, словно он наконец-то сказал то, что она хотела услышать.

– Конечно, нет. Полагаю, вы просто делали, что должно?

– Э-э, ну...

– Думаю, ваша выучка очень помогла в подобной ситуации, но... Вам наверняка пришлось нелегко. Как я понимаю, вы знали погибшего офицера полиции, сержанта Гевина Маккинни. Собственно, он был шафером у вас на свадьбе.

Ну, вот опять.

– Мы дружили много лет назад, но я очень давно его не видел.

– Понимаю. – И снова в ее голосе послышалась досада. – Теперь другие жертвы. Можете о них немного рассказать?

– Извините, нет, – ответил Иона, потирая глаза. Ему очень хотелось прилечь и поспать. – Вообще-то я видел только девушку.

– Верно, девушку. – Дели быстро пролистала блокнот. – Это у нас... Надин, правильно?

– Это она мне так сказала.

Дели заморгала.

– Она была жива, когда вы ее обнаружили?

Иона начал раздражаться.

– По-моему, мне не следует вдаваться в такие подробности.

– Нет, разумеется, нет, – быстро проговорила она. – Но оттого, что вы нашли одну из жертв живой, наверняка становится еще хуже. И не смогли ее спасти. Какие чувства это у вас вызывает?

Ионе вдруг стало трудно говорить. Он отвернулся.

– Паршивые.

– Она вам что-нибудь сказала, кроме своего имени?

– А вам, собственно, это зачем?

Вопрос прозвучал резче, чем он хотел, однако даже если бы Иона и решил его обсуждать, он не понимал, насколько уместно говорить об этом именно теперь.

– Я... просто пыталась получить представление, как это могло повлиять на ваше состояние. – Щеки Дели покраснели. Похоже, она разволновалась. – Это наверняка вас раздавило. Особенно после всего, что вам пришлось пережить.

Ионе показалось, что он, возможно, неправильно ее понял. Психолог не может вести себя так по-дилетантски.

– Всего, что пришлось пережить?

– Ну, вы ведь не понаслышке знаете, что такое трагедия, верно? В смысле – после того, что случилось...

– Я знаю, в каком смысле. – Иону словно ударили по голове. – Тогда все казалось совершенно другим.

– Да, конечно, – с серьезным видом закивала Дели. – Я сама мать и представить себе не могу, что это такое на самом деле. Как вы думаете, сможете ли вы когда-нибудь это окончательно пережить и смириться со случившимся?

– Что это вы *такое* спрашиваете? – Просыпавшиеся в Ионе злоба и недоверие сменились растущей тревогой. – Вы ведь не психолог, так?

Сияющая улыбка еще мгновение держалась на ее лице, потом исчезла.

– Я никогда этого не говорила.

Вот блин.

– Вы газетчица.

– Я предпочитаю «журналист», но...

– Вон отсюда.

– Послушайте, Иона, простите, что у нас не задался...

– Вон отсюда. Живо, или я вызову охрану.

Лицо Дели окаменело.

– И как это будет выглядеть? «Офицер спецназа вызывает больничного охранника, чтобы выставить на улицу журналистку». Как, по-вашему, это прогремит в соцсетях?

– Мне плевать. – Не думая, Иона привстал на кровати, и боль тотчас же пронзила колено. Нога подогнулась, он вцепился в прикроватную тумбочку, чтобы не упасть. – *Мать твою!*

– Господи, что с вами? – Дели захотела было ему помочь, но Иона остановил ее, подняв руку.

– Просто... уйдите, идет?

Она снова бросила на него озабоченный взгляд, потом вынула из сумочки визитку и положила на кровать.

– На случай, если захотите со мной связаться. Вы не пожале...

– Вон. Живо.

Иона уперся руками в тумбочку, чтобы унять боль. Он не поднял головы, слыша, как Дели шла к двери и выходила из палаты. Он вскинул глаза, лишь услышав звук закрываемой двери. В палате еще пахло терпкими духами. Он вдохнул их аромат и резко выдохнул, поняв, какого же сваял дурака.

Блин.

Глава 8

Десять лет назад

Моросящий дождь легким туманом застилал желтый свет фонаря. Вода забиралась за поднятый воротник и стекала по шее. Иона не обращал на нее внимания. Он ощущал холодные капельки, словно они где-то далеко, как и пробиравший его сквозь тонкую курточку холод, от которого занемели руки и ноги. Но Иона не чувствовали ни холода, ни дождя. Все его внимание занимал дом на противоположной стороне улицы, единственное светящееся в нем окошко и входная дверь. Весь его мир сжался, сузился, в нем не осталось ничего, кроме объекта наблюдения. Иона не спускал с дома глаз, пока стоял в конце темного проулка на другой стороне улицы.

Он ждал.

Ждал уже многие часы. Занялся и погас короткий зимний день, блеклое солнце сменилось серыми сумерками и вечерней мглой. Иона видел, как в окне зажегся свет, глядел на двигающийся, словно в театре теней, силуэт за потрепанными грязными шторами. И ждал.

Ждать оставалось недолго.

В глубине души Иона почти не верил, что все это действительно с ним происходит. Но это чувство, как и ощущение холода и дождя, крылось так глубоко, что едва давало о себе знать. Иона представлял собой сплошной комок нервов, он так привык к каждодневной всепоглощающей боли, что она стала для него нормой и застила все остальное.

С другой стороны улицы послышался щелчок открываемого дверного замка. Иона замер, когда из дома кто-то вышел. Даже в темноте он узнал неуклюжую фигуру Оуэна Стокса.

Он достаточно долго изучал этого человека.

Иона не мог припомнить, когда к нему пришло это решение. Он даже сомневался, пришло ли оно вообще: решимость эта каким-то образом поселилась внутри него, стала некоей необходимостью, которую он принял безо всяких вопросов. Первое, что он сделал, – это съехал из дома. Крисси с радостью отнеслась к его уходу, а сам он больше не мог там находиться. Иона снял недорогую квартирку гостиничного типа, студию с дешевой мебелью и ванной с плесенью на стенах. В коридорах там пахло вчерашним фастфудом и пригоревшими тостами. Гевин предложил ему пожить у них с Мари, но Иона знал, что это доставит лишние хлопоты и им, и ему. У них подрастал маленький сын Дилан, так что проблем было хоть отбавляй. К тому же Ионе не хотелось, чтобы Гевин капал ему на мозги и стоял над душой. Особенно с учетом того, что он задумал.

Он не то чтобы сразу смог что-то предпринять. Оуэна Стокса вернули в тюрьму за неявку к инспектору по надзору за условно освобожденными, и до выхода оттуда ему оставалось двадцать восемь дней. Иону тошнило при мысли, что эта отсидка стала для Стокса единственным наказанием. Но мысль эта в то же время мотивировала. Она давала Ионе хоть какой-то смысл, какую-то причину каждое утро вставать с постели и проживать очередной нескончаемый и беспросветный день.

Что бы там Уэллс ни говорил насчет доказательств, Иона не сомневался, что Стокс виновен. Он просто это *знал*. Он видел вину в спесивой усмешке, в глумливом равнодушии, с которым Стокс отнесся к исчезновению четырехлетнего мальчишки. Его *сына*. Было бы оскорблением здравого смысла признать, что Тео протиснулся сквозь ржавую и дырявую решетку и канул в темные сточные воды. Не по своей воле. Свидетели могут ошибаться, временные рамки – смещаться, а Иона – его отец.

Других доказательств ему и не требовалось.

На двадцать восьмой день Иона припарковал машину на улице неподалеку от отдела по надзору за условно освобожденными за полчаса до его открытия. Достаточно близко, чтобы хорошо видеть вход, и достаточно далеко, чтобы остаться незамеченным. Настало почти два часа дня, когда Иона заметил приближающуюся ненавистную фигуру в потертой армейской куртке. Он выпрямился, едва не поддавшись желанию прямо там наброситься на Стокса. Взяв себя в руки, Иона просидел в машине еще один показавшийся бесконечным час, пока Стокс не вышел из здания. Иона выждал, пока тот прошел мимо, потом вылез и зашагал следом. Он шел за Стоксом, кровь стучала у него в висках, когда он глядел на вытатуированную на толстой шее паутину. Иона знал, что придется еще немного потерпеть. Людная улица среди бела дня никак не подходила для задуманного. Нужна темнота. И безлюдье.

Поэтому Иона чуть поотстал, хотя и не пытался скрыться. Стокс не знал его в лицо, и у него не было причин думать, что за ним следят. А даже если бы и знал – Иону это не особенно волновало. Однако Стокс, похоже, не обратил на него внимания и даже не оглянулся, когда Иона следом за ним сел в автобус. Когда Стокс вышел, Иона тоже выскочил. Он чуть сбавил шаг, когда Стокс остановился, чтобы закурить, затем двинулся вслед за ним. Дойдя до невзрачного кирпичного здания, Стокс бросил окурочок на тротуар и вошел внутрь. Проходя мимо, Иона увидел, что это мужское общежитие.

Перейдя улицу, Иона дошел до ближайшего переулочка. Прямо за поворотом он заметил чуть утопленный в стене дверной проем. Его наполовину скрывали ржавые ступеньки пожарной лестницы, сама дверь оказалась заперта на всякий замок, рядом с ней громоздилась кучка мусора. Ступив в проем, Иона впился глазами во вход на той стороне улицы, не обращая внимания на запах мочи и гниющих объедков.

Съездившись от холода, он стал ждать вечера.

Теперь он сделался почти невидимым, стал неясной тенью в темном переулочке. Иона замер, когда в доме напротив открылась входная дверь. На улицу выплеснулся свет, и наружу выбрался знакомый силуэт. Из проулочка Иона наблюдал за двинувшимся по улице Стоксом.

И пошел за ним.

Мышцы шеи и плеч напряглись, руки сжались в кулаки. Его ботинки на резиновой подошве почти не скрипели, однако, полностью сосредоточившись на маячившей впереди фигуре, Иона не заметил пустую жестянку, пока от удара его ноги та с грохотом не покати-лась по тротуару. Этот звук мог бы мертвого поднять, и Иона резко опустил голову, когда Стокс оглянулся. Пешеходов больше на улице не оказалось, но она была слишком широкой и хорошо освещенной, по ней сновали машины с включенными фарами. Иона заставил себя шагать дальше, опустив глаза, когда шедший впереди Стокс остановился.

– Мужик, огоньку не найдется?

Голос его прозвучал еще грубее, чем на видео допроса, а ливерпульский акцент проявился резче. Чуть подняв голову, Иона заметил, что Стокс держит в руке незажженную сигарету. Взгляд его глубоко посаженных глаз казался глумливым, и желание броситься на него стало почти непреодолимым. Ионе потребовалось все самообладание, чтобы подавить этот иску-

– Нет.

Иона прошел мимо, сжав кулаки с такой силой, что коротко остриженные ногти больно впились в ладони. Обогнав Стокса, он ждал быстрого топота ног, готовый резко обернуться и встретить противника лицом к лицу. Но никто не затопал, и Иона заволновался, как бы не упустить Стокса, оторвавшись слишком далеко. Он рискнул и оглянулся.

Там, где только что стоял Стокс, никого не оказалось.

Иона выругался. Он быстро оглядел улицу, но Стокса и след простыл. Пройдя немного назад, Иона заметил боковую улочку неподалеку от места, где стоял Стокс. Он добежал туда

и заглянул за угол. Никого. Улочку освещала лишь небольшая неоновая вывеска бара чуть поодаль, однако Иона не верил, что Стокс мог так быстро туда дойти.

Господи, куда же он *делся*?

Забыв об осторожности, Иона зашагал по темной улочке. Из стены здания торчала гудящая вентиляционная труба, изрыгающая зловонный пар. В воздухе витали запахи лука и горелого мяса, но Стокс нигде не обнаружился. *Да где же ты?* Тротуаров там не было, кирпичные стены почти смыкались по обе стороны улочки, заслоняя вечернее небо. Иона словно оказался на дне рукотворного ущелья, где дверные проемы и узенькие проходы смотрели на улочку окошками черноты.

Иона снова тихонько выругался, злясь на себя, и зашагал к бару. Стокс мог находиться только там. Неоновая вывеска горела названием «Аншлаг», и на подходе к ней Иона услышал, как за его спиной кто-то шаркнул ногой. Он резко обернулся и с бьющимся сердцем выставил вперед согнутые в локтях руки. На него двигалась высокая фигура. Даже в темноте Иона сразу узнал ее обладателя.

– Какого *хрена* ты здесь делаешь? – прошипел Гевин, входя в круг света от вывески бара. Облегчение сменилось злобой.

– Не лезь не в свое дело.

– К черту! Я не дам тебе сотворить глупость.

– Не знаю, о чем ты.

Не успел Иона отвернуться, как Гевин схватил его за руку.

– Хватит, Иона. Я знаю, что ты тут делаешь. Думаешь, ты один в курсе, что Стокса сегодня выпустили?

Иона вырвал руку.

– Ты что, за мной следил?

– Я знал, что ты решишься на что-то такое, и ждал у общежития. Господи, чем ты *думал-то*? Знаю, что тебе нелегко, но какой от всего этого толк?

– Какой *толк*? – дрожащим от ярости голосом переспросил Иона. – Я вызнаю, что этот гад сделал с моим сыном, – *вот* какой толк!

– Черт подери, Стокс никак не связан со случившимся с Тео! И ты это *знаешь*! Если не веришь Уэллсу, так хоть мне поверь!

– Ладно, верю. А теперь проваливай.

– Не дури. Не стоит подставляться под пулю, нож или садиться за решетку из-за такого дерьма, как Стокс. Я тебе не дам.

– А мне твое разрешение не нужно.

– Хватит, Иона...

– Ты думаешь мне помешать?

– Да, если придет...

Гевин пошатнулся от удара в челюсть. В Ионе внезапно взорвались вся боль, ярость и чувство вины. Он резко замахнулся на стоявшего перед ним человека, уже не думая, кто он. Гевин поднял руки, чтобы защититься, но сдачи не дал.

– Какого хрена, Иона, не будь...

Он крикнул, получив по ребрам. Иону что-то ударило по лицу, и в глазах взорвались яркие молнии. Он встряхнул головой, отгоняя наваждение, шагнул вперед и снова замахнулся. Но Гевин тоже шагнул, и Иона согнулся пополам, когда в его пах врезалось колено.

Боль была нестерпимой. Он рухнул на асфальт, и внезапно его безумие словно надломилось. Он смутно видел наклонившегося над ним Гевина, чувствовал обнимавшую его за плечи руку, и тут Иону сотрясли рыдания.

– Прости, прости меня, – говорил Гевин. – Знаю, что это полная жесь, но в случившемся никто не виноват. Произошел страшный, трагический несчастный случай, и только. *Несчаст-*

ный случай. Стокс тут ни при чем. Господи, думаешь, я бы тебе не помог, если бы решил, что это его рук дело? Я бы сам порезал этого гада на ремни, но он не виноват. А глупостями Тео не воскресишь.

Говорить Иона не мог. Он так и лежал, скрючившись на асфальте и сотрясаясь от рыданий. Наконец он выплакался и смог заговорить:

– Я не знаю, что делать, Гев. О господи, я... Оглядываюсь вокруг, а его *нет!* Просто не могу представить его... одного... в этой гребаной черной дыре! Если бы я тогда не зас...

– Если бы ты не брал суточные смены, если бы Криси не пошла работать, если бы гребаный муниципалитет починил трубу, – тяжело вздохнул Гевин. – Если бы да кабы. Иногда жизнь поворачивается к тебе задом, а ты ничего не можешь поделать. Всего не предусмотреть, так что хватит себя казнить. Тео был чудесным мальчуганом и любил тебя. Любил своего отца. И вот это нужно помнить.

Иона снова заплакал, но уже тише. Овладевавшее им в последние несколько недель безумие исчезло. Он чувствовал слабость, но в голове прояснилось, словно у него кончилась лихорадка. Он сел и протер глаза.

– Извини, что врезал тебе.

Гевин потрогал челюсть и скривился.

– Не парься. Ты всегда дрался как девчонка. Яйца-то болят?

У Ионы вырвался смешок, больше похожий на всхлип.

– А ты как думаешь?

Он начал осторожно вставать на ноги. Гевин помог ему подняться.

– Пошли, дружище, выпьем по маленькой.

Глава 9

– Поздравляю! Вы прославились!

Флетчер просунул газету в приоткрытую дверь квартиры Ионы. Стоя в прихожей на костылях, тот возился с цепочкой. Газета уперлась в его грудь, страницы рассыпались, когда Иона попытался их подхватить.

– Вам достался целый разворот, – усмехнулся инспектор. – Там ваше дивное фото в форме. Очень героическое. Вам захочется прикупить еще экземпляры, чтобы поместить их в рамочки и развесить по стенам.

Открыв дверь и увидев стоящих на лестничной площадке Флетчера и Беннет, Иона сразу понял, зачем они пришли. Он уже прочитал статью в интернете. В визитке Дели говорилось, что она штатный корреспондент одного из самых скандальных бульварных изданий, и каждый день после выписки из больницы он заходил на сайт газеты в ожидании, не появится ли там что-то. Почти через две недели он начал надеяться, что его миновала чаша таблоидной славы.

До того утра.

– Ну-с? Войти не пригласите? – спросил Флетчер.

Иона неохотно отступил.

– Это надолго? Днем у меня дела.

– На столько, на сколько понадобится. – Флетчер протопал мимо него, от быстрого шага брюки болтались вокруг его тонких голеней и худых бедер, когда он прошел к ближайшему стулу. – Не переживайте, вы не опоздаете на прощание с другом.

Сегодня должна была состояться заупокойная служба по Гевину. Церемония обещала стать довольно мрачной, и Ионе не очень хотелось спешить, чтобы успеть точно вовремя. Однако он знал, что напрасно потратит слова, попросив перенести разговор на потом. Иона не доставит Флетчеру удовольствия ответить «нет».

Беннет вошла в прихожую и жестом пригласила Иону пройти в квартиру.

– Дверь я закрою.

К моменту, когда Иона доковылял до гостиной, Флетчер уже устраивался в кресле, выставив вперед торчавшие, как шипы, коленки. Иона бросил газету на журнальный столик и шагнул к соседнему креслу.

– Я знаю, что все это выглядит паршиво, но я решил, что она психолог, – сказал Иона, усаживаясь. Беннет вошла следом и присела на диван рядом с инспектором.

– Ах, *психолог*. – Обожженное лицо Флетчера пылало от злости. – Документы она вам показала, нет? Предложила в жилетку поплакаться?

– Хорошо, я совершил ошибку...

– *Ошибку?* – Инспектор схватил газету и начал яростно листать страницы, прежде чем зачитать: – *«Никогда не забуду того, что произошло в пакгаузе», – говорит герой-спецназовец Иона Колли. Герой, слышали? «Разумеется, я испугался, но я не считаю себя храбрецом. Просто делал то, что должно». И это – ошибка?*

Лицо Ионы вспыхнуло.

– Я вовсе не это...

– Я еще не закончил. *Сержант Колли все еще лечится от ран, полученных при случившемся в том, что источники в полиции отказываются признать секретной операцией по борьбе с нелегальными перевозчиками мигрантов, потерпевшей трагический провал. Четыре человека погибли в заброшенном пакгаузе на набережной с очень подходящим названием Скоттобойная. Одним из них стал сержант уголовной полиции Гевин Маккинни, чье тело до сих пор не найдено. Этот пользовавшийся большим уважением офицер лондонской полиции был*

близким другом сержанта Колли. «Гевин был шафером у меня на свадьбе и отличным полицейским», – говорит Колли.

– Я ничего подобного не говорил, – вставил Иона.

– Ладно, а вот тут просто красота начинается, – продолжал инспектор, не обратив внимания на слова Ионы. – *Ни одну из трех жертв не опознали, но теперь мы знаем, что по крайней мере одна из них, молодая женщина предположительно с Ближнего Востока, известная полиции лишь под именем Надин, еще оставалась жива, когда ее обнаружили. При воспоминаниях об этом Колли явно не может скрыть своих чувств. «Очень жаль, что мне не удалось сделать больше, чтобы ее спасти».*

Флетчер опустил газету.

– Не шедевр журналистики, но за красочность и эмоции пять баллов, вы не находите?

– Я же сказал, что ничего подобного ей не говорил, – возразил Иона. Его лицо горело. – Как только я понял, что происходит, сразу выставил ее за дверь. Ладно, я проговорился, что девушка назвала мне имя, глупость сморозил. Но и только. Она уже и так все знала о Гевине и явно успела еще с кем-то переговорить.

– *И только?* – Голубые глаза инспектора сверкнули ледяной злобой на обожженном лице. – Вы обсуждали расследование убийства с неизвестной журналюшкой!

– Да ничего я не «обсуждал»! Господи, вы что, серьезно думаете, что мне хочется, чтобы все это полоскали в бульварных газетенках?

Лицо Флетчера выразило неприкрытое презрение.

– Именно в этом я и пытаюсь разобраться.

– Что вы хотите этим сказать?

Вместо ответа Флетчер развернул газету и поднял ее над столиком. Со страницы на Иону смотрело смеющееся лицо Тео. Иона и раньше видел это фото в интернете, и каждый раз у него до сих пор перехватывало дыхание. Он помнил, как фотографировал Тео в его четвертый день рождения, всего за несколько недель до исчезновения. Ионе по-прежнему слышался восторженный смех сына.

– *Улыбочку пошире, Тео! Скажи «кукушка кукушонку купила капюшон».*

– *Нет! Так не бывает!*

– *Нужно это говорить, когда тебя фотографируют в день рождения.*

– *Нет, не надо!*

– *Ну хоть попробуй.*

– *Кукушка... кукушила... тюшон,* – выговорил сын и залился смехом.

Щелк.

Флетчер швырнул газету обратно на журнальный столик.

– Отличный пиар, если хотите, чтобы снова заговорили о том деле. Это планировалось? Использовать расследование происшествия в пакгаузе с целью напомнить о случившемся с вашим сыном и посмотреть, может, хоть клочок шерсти получите. Кто знает, если повезет, то можно даже добиться возобновления дела.

– Дела? Вы о деле Тео? – Иона словно споткнулся на полном ходу. – Что вы такое говорите?

– По-моему, настала пора честной беседы, – ответил Флетчер. – Вы ведь не до конца поверили, что ваш сын утонул, так?

У Иона мгновенно пересохло во рту. Он было захотел что-то сказать, но обнаружил, что понятия не имеет, что говорить.

– А какое это имеет отношение ко всему? – с трудом выдавил он.

– Одну секунду, – произнес Флетчер. – Мне интересно знать, верите ли вы в то, что он утонул в коллекторе. Потому что это означало бы, что во всем виноваты только вы.

– Виноват *только* я, – прохрипел Иона. – Я заснул и позволил ему убежать. И с тех пор мне приходится с этим жить.

– Но нашли только кроссовку, а не тело. В глубине души вас наверняка мучили сомнения. Вдруг обувь не его, может, следствие ошиблось. Или случилось что-то еще. Что-то такое, в чем можно кого-то обвинить.

– Мне не нужно, чтобы кто-то мне говорил, что мой сын погиб. Или что во всем виноват один я.

Иона ступешался, не в силах понять, зачем Флетчер мустирует эту тему.

– Значит, по вашим словам, вы никогда не сомневались? – продолжал инспектор. – Вы просто приняли официальную версию, подумав: «Ладно, теперь я знаю, что случилось, и стану жить дальше»?

Иона отвел глаза. Его бесил этот разговор, бесило то, что приходится выворачивать душу наизнанку. Особенно перед Флетчером. Однако он знал, что инспектор не отступится.

– Конечно, нет. Если Тео утонул, я хотел получить *доказательства*. А мне дали только кроссовку. – Иона умолк, пытаясь взять себя в руки. Простой разговор снова вызвал в памяти жуткое отчаяние тех дней, ужасную зияющую *пустоту*. Даже теперь она не отпускала, таилась под тонким покровом повседневности. Он откашлялся и продолжал: – Однако то, что мне требовалось, не имело значения. Я увидел все, и мне ничего не оставалось, кроме как все признать и смириться.

Флетчер скрестил руки на груди и внимательно посмотрел на Иону.

– Смирились? Или не совсем?

– Не понимаю.

– Вы служите в спецназе. Вам известно, в каких клеточках ставить галочки, дабы убедить всех, что вы вполне можете вернуться к своим обязанностям. А признание в том, что вы не верите в заключение судмедэксперта, к таким клеточкам не относится.

Иона почувствовал, что едва сдерживается.

– Я ни перед кем и ни в чем не притворялся, если вы об этом. Все остальное отпало. Это было единственное объяснение случившемуся.

Флетчер посмотрел на него змеиным взглядом или словно ящерица на муху.

– Это не совсем верно, так?

Иона почувствовал еле заметный холодок.

– Вы о чем?

– О том, что сначала все решили, что вашего сына похитили. Даже подозреваемый появился.

– Ненадолго, – ответил Иона. Недоумение и тревога продолжали расти. – Он предъявил железное алиби, и следствие его исключило.

– А вот *лично вы* этому поверили? Даже если кого-то лишь подозревали в похищении вашего сына, всегда оставались бы смутные сомнения. Полагаю, что вам отчаянно хотелось добраться до него и выжать из гада всю правду.

У Ионы сдавило грудь.

– Куда вы клоните?

Инспектор кивнул Беннет. Ни слова не говоря, та вынула из сумочки фотографию и положила ее на столик перед Ионой. Он взял снимок в руки. Это оказалось полицейское фото мужчины с бритой головой и грубыми чертами лица, которого Иона видел у детской площадки в то утро, когда исчез Тео.

– Узнаёте его? – спросил Флетчер.

– Это тогдашний подозреваемый, Оуэн Стокс, – ответил Иона с бьющимся сердцем. – Зачем вы мне его показываете?

– Мы нашли в лэптопе Маккинни фотографии Стокса. Причем недавние. Судя по всему, Маккинни вел за ним наблюдение. Следил, вычислял, где объект обитает. – Флетчер вскинул брови. – Вам, случаем, ничего об это не известно?

Иона почувствовал, как мир покачнулся перед его глазами.

– Конечно нет!

– Значит, вы понятия не имеете, почему Маккинни проявлял такой интерес к Оуэну Стоксу?

– Нет, я же вам говорил. Господи, вы же изучили мой телефон и убедились, что я не контактировал с Гевинем. – Иона положил фотографию обратно на стол, вдруг ощутив жуткую брезгливость. – А Стокс имел отношение к расследованию, которое вел Гевин?

Флетчер закачал головой, прежде чем Иона договорил.

– Стокс вообще не попадал в поле нашего зрения. Последние два года он старался избегать неприятностей. Ни предупреждений, ни арестов. Насколько нам известно, ни с какими бандами он не связан. Он одиночка, сам по себе. Держать его под наблюдением не было никакой официальной причины, как не было ее для того, чтобы Маккинни оказался в том пакгаузе. На самом деле единственная видимая нами связь между Маккинни и Оуэном Стоксом – это события десятилетней давности. – Флетчер поглядел на Иону, опустив веки. – Иными словами – вы.

– Нет. – Настала очередь Ионы покачать головой. Во рту у него сделалось горько. – Нет, это бессмыслица. Зачем Гевину теперь следить за Стоксом?

– В этом-то и вопрос, нет? Однако этот факт может хоть как-то объяснить, почему в тот вечер Маккинни позвонил именно вам, а не кому-то еще. И почему он хотел, чтобы вы подъехали к пакгаузу.

Иона отказывался верить тому, к чему клонил инспектор.

– Ничего не понимаю.

Флетчер постучал пальцами по колену и продолжил:

– Кровь из пакгауза, которую мы не могли идентифицировать. Мы получили совпадение ДНК. Кровь принадлежит Оуэну Стоксу.

У Ионы перехватило дыхание.

– Это невозможно...

– О, уверяю вас, очень даже возможно. Анализ ДНК исключает ошибки.

– Оуэн *Стокс*?.. – Гостиная поплыла перед глазами Ионы. – Господи, вы пытаетесь мне сказать, что в пакгаузе был именно он? *Оуэн Стокс*?

– Знаю, мне самому трудно в это поверить, – ответил Флетчер. – Особенно тому, что, по вашим словам, вы, сами того не зная, дрались с подозреваемым в похищении вашего сына.

Иона балансировал на грани обморока. В ушах шумело, перед глазами все дергалось и плыло.

– Все нормально? – спросила Беннет, когда Иона подался вперед. – Принести воды?

Иона покачал головой. *Господи, этого быть не может.*

– Вы думаете, что поэтому Гевин за ним следил? Поэтому захотел, чтобы я подъехал к пакгаузу? Из-за того, что произошло с Тео?

Флетчер развел руками.

– Если у вас есть версия получше, я весь внимание.

– Но *почему, зачем?* С тех пор прошло десять лет, *теперь-то* Гевину зачем начинать следить за Стоксом? – Недоверие сменялось паникой. – Господи, вы хотите сказать, что гробаное следствие *ошиблось*? Следователи настаивали, что Стокс не имел к инциденту никакого отношения, твердили, что это невозможно! И теперь вы сидите и заявляете мне, что *именно он* убил в пакгаузе Гевина и еще троих? И чуть не убил *меня*?

Флетчер выглядел обескураженным.

– Нет, я этого не говорил. Но Маккинни в лучшем случае не до конца обосновал свои выводы, а с учетом его профессиональных достижений нам ни в коем случае не стоит спешить с итогами. А вам нужно успокоиться...

– *Успокоиться?* Вы огорошиваете меня подобными заявлениями и хотите, чтобы я *успокоился?* Гевин держал Стокса под наблюдением, блин! Зачем ему было это делать или звонить мне, если он не накопил что-то о Тео?

Беннет плавно вступила в разговор, быстро взглянув на Флетчера, словно попросила его сдать немного назад.

– На этой стадии мы все еще пытаемся установить, что же произошло, – сказала она. – Необходимо помнить, что даже если Маккинни и думал, что Оуэн Стокс как-то причастен к исчезновению вашего сына, это отнюдь не значит, что так оно и есть. Главный инспектор уголовной полиции Уэллс, возглавлявший тогда расследование, умер несколько лет назад, но мы говорили с его заместителем, инспектором Конуэем. Нас удовлетворило, что ничто не указывает на какие-либо ошибки или упущения в ходе поисков Тео. Мы лично в этом убедились, прежде чем начали обсуждение с вами, и поэтому...

– И поэтому Оуэн Стокс не в ответе за случившееся с вашим сыном, так? – перебил ее Флетчер. Лицо его по-прежнему оставалось пунцовым. – Что бы он там еще ни натворил, данные следствия остаются неоспоримыми. В этом отношении ничего не изменилось.

Иона до боли стиснул челюсти. Ничего *не изменилось?* Да *все* изменилось. Снова. Оуэн Стокс не несчастный бродяга, он убийца. Десять лет назад он одурачил следствие, скрыв свою истинную натуру, всех до единого вокруг пальца обвел. И это подрывало шаткие устои, на которых Иона заново строил жизнь.

Но вслух он этого не высказал, а Флетчер продолжал:

– С учетом сказанного мной Маккинни явно следил за ним не просто так. Принимая во внимание вашу историю с Оуэном Стоксом, тот факт, что Маккинни решил позвонить вам, а не кому-то еще, наводит меня на мысль, что он вел какую-то идиотскую вендетту. Так что вы понимаете, почему я пытаюсь поверить, что вы обо всем этом ничего не знали.

Иона выждал несколько секунд, чтобы убедиться, что достаточно владеет собой, а потом произнес:

– Некоторое время назад вы считали, что я убил Гевина. Теперь вы, похоже, обвиняете меня в том, что я вместе с ним преследовал Стокса. Похоже, мне нужен адвокат?

Это был блеф, но Флетчер пожал плечами.

– Не знаю. А вам он нужен?

Они пристально глядели друг на друга. Сердце Ионы колотилось от злости и от тревоги, когда он думал, куда заходит их разговор.

– А как же Оуэн Стокс? – спросил он, стараясь выказать спокойствие, которого не чувствовал. – Вы что-нибудь делаете, чтобы его поймать, или гонитесь за дичью полегче?

– Осторожнее на поворотах, Колли, – произнес Флетчер, и его обожженное лицо снова потемнело.

Мне надо много где быть осторожнее. Злоба Ионы, похоже, сделалась больше его самого, позволив ему отстраниться от нее. Но насмешку в голосе он сдержать не смог:

– Слушаюсь, сэр.

Флетчер, кажется, собирался ответить, но Беннет чуть шевельнулась и негромко откашлялась. Словно получив от нее сигнал, Флетчер закрыл рот. Потом поднялся на ноги.

– На этом пока что закончим. – Взяв фотографию Оуэна Стокса, он с отвращением показал рукой на газету. – Оправьте свое фото в рамку. Это для вас единственная польза от прессы.

Он вышел, Беннет последовала за ним.

После их ухода Иона не мог усидеть на месте. Его костыли глухо стучали по ковру, когда он ковлял по маленькой квартирке, бесцельно переходя из комнаты в комнату. Разум кипел,

вновь и вновь пытаюсь переварить услышанное. Всего несколько минут беседы основательно подорвали основы, на которых он строил свою жизнь после исчезновения Тео. Многие годы Иона заставлял себя верить официальной версии. Он изводил себя, представляя хихикающего Тео, когда тот отползал от заснувшего отца, чтобы спрятаться в похожей на пещеру трубе. Словно на экране кино, Иона почти наяву видел, как его сын плюхнулся в холодный быстрый поток воды. Видел, как маленькое тельце Тео, удерживаемое на плаву пузырявшейся светло-голубой курточкой, в полном одиночестве уплыло во тьму подземелья.

С той поры мысли об этом не отпускали Иону ни на день, ни на час. Но, несмотря на весь их ужас, он, по крайней мере, *знал*, что произошло. Или думал, что знает.

Теперь это знание безвозвратно рухнуло.

В темном пакгаузе он дрался с Оуэном Стоксом, и Стокс, с которого сняли обвинения в похищении Тео, убил Гевина и еще троих, и это казалось совершенно непостижимым. Господи, как же все могли так ошибаться? Включая Иону. Он не мог вынести даже мысли, что *буквально* держал Стокса за горло. Зайдя в спальню, Иона подошел к висевшей в углу боксерской груше и отбросил костыли. Удерживая равновесие креном на здоровую ногу, он начал ритмично колотить по тяжелому кожаному мешку, воображая перед собой ухмыляющееся с фотографии ненавистное лицо. Он все быстрее работал руками, сопя от напряжения, пока не покачнулся от сильного замаха и не рухнул на больное колено.

– Вот блин! *Блин!*

Он упал на кровать, когда боль пронзила ногу. Иона судорожно втягивал воздух сквозь сжатые зубы, по его щекам текли слезы злобы и отчаяния.

Оуэн Стокс. Гребаный Оуэн Стокс.

Через какое-то время он сел, помассировал колено, после чего запрыгал на одной ноге, чтобы поднять с пола костыли. Добравшись до кухни, Иона налил стакан холодной воды, но поставил его на стол, увидев прикрепленный к двери холодильника, пожелтевший от времени рисунок. На нем красовался то ли синий жираф, то ли чайник, аляповатый и красивый. *Папа, гляди, что я нарисовал!* Крисси собиралась его выкинуть, и Иона забрал картинку себе. Он не планировал долго держать ее там, но, повесив на холодильник, так и не смог заставить себя ее снять.

Иона прошел в гостиную и остановился у окна. Его квартира представляла собой безликое жилище на девятом этаже многоквартирной башни в восточном Лондоне. Он переехал туда после развода. Отчасти оттого, что квартирка стоила недорого и располагалась рядом с метро и остановками автобусов, но главным образом потому, что не хотел долго искать жилье. Он взял стоявшую на подоконнике фотографию в рамке. Оттуда ему улыбался застывший во времени Тео. На соседнем фото – еще одно остановившееся мгновение: они с Тео смеются, волосы у них мокрые после урока плавания.

О господи...

Иона опустил на диван. Что бы там Гевин ни накопал на Стокса (а это казалось единственным логичным объяснением, несмотря на доводы Флетчера и Беннет), Иона горько сожалел, что ущербная логика заставила Гевина держать информацию в тайне. По крайней мере, до того, как стало слишком поздно. Принятое решение стоило жизни Гевину и, возможно, девушке, которую Ионе не удалось спасти. Может, и остальным двум жертвам. К тому же случившееся лишило Гевина возможности узнать, что же на самом деле произошло с Тео десять лет назад.

Господи, Гевин, тебе ведь пришлось действовать в одиночку, так?

Но подумалось это как-то равнодушно. Через некоторое время Иона вздрогнул. Посмотрел на часы и увидел, что прошло гораздо больше времени, чем он предполагал. Скоро предстояло отправляться на прощание. Ему по-прежнему не хотелось туда ехать, но теперь у него появился четкий стимул. Там будут люди, знакомые с Гевиним и работавшие с ним. Кто-то мог

что-то слышать, и, хотя Флетчер наверняка переговорил со всеми, кто может обладать хоть какой-то информацией, Иона прекрасно знал, как несколько рюмок развязывают языки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.